

Глава 1

Внутри тюрем конвой ходит без оружия — у зеков не должно возникать не то что соблазна, а даже малейшей возможности завладеть им. Однако и резиновой дубинки охране достаточно, чтобы чувствовать безраздельную власть над человеком с заведенными за спину руками.

— Сюда.

Егора палкой втолкнули в камеру, обложенную белым кафелем. Нос засвербило от запаха хлорки. Опять? Околелов не одинок и не случаен в этой системе пыточных издевательств? Узкое толстое оконце, больше похожее на амбразуру, проткнуто штырями. Посреди потолка, высоко, висит доживающая свой век без суда и следствия, приговоров и какого-либо права на амнистию тусклая от горя лампочка в 60 ватт. В углу за столиком, заставляя его расползаться под весом прутиками-ножками по полу, высилась лысая гора в медицинском халате. Медбрат равнодушно, словно снимая мерку для гроба, обвел новичка взглядом и лишь потом кивнул на длиннющую и сплюснутую, словно такса, лавочку — раздевайся.

— Алексей Новгородец? — неожиданно тонким голоском уточнил для порядка. Хотя, что спрашивать, случайные люди сюда не забредают. Но вот с голосом — воистину гора родила мышь...

— Я, — подтвердил Егор.

— Раздевайся. Догола. Ноги на ширину плеч, руки поднять.

Не сомневаясь, что даже писклявая его команда выполнена безоговорочно, медбрат взял в углу палку с намотанной, словно для факела, тряпкой. Сунул ее в таз с белым раствором. Хлорка ударила в нос сильнее, и Егор насколько мог задержал дыхание. Отработанным движением медбрат ткнул мокрую швабру-факел Егору сначала под мышку, затем в пах.

— Свободен, — посчитав обязанности по дезинфекции выполненными, гора-кастрат поставила в списке напротив фамилии нового обитателя СИЗО жирный крест.

Это верно — каждый несет по жизни свой...

— С собой и вперед! — дубинка указала Егору на скрученные в углу постельные принадлежности.

Тюрьма — не армия, сюда надо приходиться со своим скарбом. Из казенного — только матрац с подушкой.

— Шевели лапами, — конвоир отбивал дубинкой на спине Егора то ли морзянку, то ли такт звучавшей у него в голове музыки. И явно не русской раздольной. Лишь за второй решеткой, разделяющей коридор на зоны, поставил точку: — Лицом к стене!

Егор уперся лбом в темно-зеленую, пропахшую кислыми щами стену. Сколько же на ней шершавых слоев краски!

Заскрежетал ключ. В камерах они не язычки квартирных замочков придавливают — двигают засовы. Задвигают, к сожалению, тоже.

Егор замер на пороге будущего жилища. Тупой резиновый конец дубинки вновь воткнулся в спину и стал вкручиваться, давить под лопатку. Интересно, если отобрать ее у конвоира, на сколько этажей вниз он рухнет в собственных глазах? Или помочь почувствовать? Тогда дави, еще, еще немного... А вот и точка Кадочникова — легендарного рукопашника, мизинцем валившего противника именно в миг, когда теряется равновесие...

Егор резко повернулся. Конвоир, потеряв опору, едва не влетел в камеру. Но Егор шагнул туда сам, заполняя собой теперь уже личную территорию. Развернулся, почесал недавний шрам над левой бровью и не без усмешки посмотрел на охранника: попробуешь зайти в гости?

Заходить запрещалось, но дверь захлопнулась так, что сомнений не оставалось: новой встречи долго ждать не придется! И уже на другой территории. И такт музыке будет отбиваться не под лопаткой, а по почкам.

— С прибытием, — поднялся с дальней угловой кровати невзрачный худой кренделек, мышкой под веником ожидавший развязки. — Милости прошу до нашей до хаты.

Егор огляделся. За синенькой занавесочкой стыдливо укрылась параша, вдоль стен дремали три свободные кровати. Стол. Высоко над потолком узкая прорубь для оконца, пытавшегося дотянуться до неба. Однако свет в камеру просачивается большей частью сквозь мутное, неразбиваемое оконце из коридора.

Не удосуживая вниманием соседа, Егор бросил поклажу на кровать в противоположном от него углу. Раскатав комковатый от старости матрац, лег, забросив руки за голову. От тюрьмы и от сумы...

— Что шьют-то? — не отставал сосед, бдительно оставаясь на своей территории.

— То дело следователя, — не стал вставать в объяснении Егор. Демонстративно отвернулся к стене. Сейчас бы и в самом деле поспать, сон лучше любых лекарств и психологов снимает напряжение...

— А вертухай чего пристебался?

В тюрьме ты еще, оказывается, не принадлежишь и себе. Поневоле вспомнишь добрым словом пещеру-одиночку в Колумбии...

Кренделек болтался около собственной кровати, издали посматривая на новичка. Вздернутый носик, потащивший за собой к переносице и верхнюю губу. В таких случаях обычно блестят, как у хомячка, зубы, но свой сиделец съел, видимо, вместе с тюремной баландой. Но тогда с его опытом отсидок можно понять, что Егору не до разговоров.

Однако натура брала верх:

— А статья-то какая?

— Ты мне что — прокурор в суде, ё-моё? — резко встал Егор. Сосед, наоборот, плюхнулся на кровать от неожиданного рыка. Вот и сиди! В этих стенах не исповедуются, а кто и с чем заходит, нужным людям известно заранее.

Неловкость снял шум в соседней камере и крики охранников.

— Выходить!.. Вдоль стены!.. Не смотреть!

Задвигались засовы, по решетке в коридоре, как по клавишам, прошли для устрашения дубинками. Повернулся ключ и в двери камеры Егора. Она тяжело распахнулась, внутрь втокнули мужчину лет сорока. Тот посчитал нужным сначала стукнуть по ней ногой, и только после этого обвел сокамерников грубо обточенным орлиным носом с хищными крыльями-ноздрями. Мочки ушей не имели закруглений, они долго переходили в щеки — едва ли не у самой шеи. Глаза смотрели властно, под лоб осталось всего три-четыре узких, словно из-под тетради по чистописанию, линейки-морщины. Ученик наверняка был троечником, потому что сверху линейки висела черная клякса челки.

— Что там? — не без тревоги поинтересовался кренделек. Оправдывая любопытство, тут же попытался и сам угадать: — Побуянили небось?

Расселять камеры, в которых пошел мордобой — задача что в СИЗО, что на зоне первоочередная. Так что мельтешить этими знаниями занятие сучье...

Новый сосед и Егор одновременно посмотрели на беззубого хомячка: там, где трое, невольно начинают распределяться симпатии. Кренделек ее явно не вызывал, и новичок, усевшись за стол, уставился на Егора. Тот хотя и не стал разваливаться на койке, но и не поспешил подсаживаться к столу. Лишь кивнули друг другу, здороваясь:

— Жора.

— Алексей, — приподнял руку Егор.

— Я — Вася. Вася я, — вклинился остающийся за бортом хомячок, в своей торопливости наверняка тут же забыв имена соседей. Но ведь важно, чтобы знали и помнили тебя...

Жора прошел к свободной койке, стукнул по ней ногой, проверяя на устойчивость. Егор молча бросил ему свою подушку. Подарок принял как должное, подушку взбили, устроили под голову. Вася суетился, не зная, как проявить и свою учтивость, но Жора отвернулся к стене. Повторяя его, то же сделал и Егор. Вдруг удивился еще одной страничке в познаваемой тюремной азбуке: подумать о том, что с ним случилось, оказалось возможным лишь в затхлом каменном мешке...

А вспоминалось с момента, когда Егор дошел с Неруссы до дома и, обессиленный, присел на ступеньки крыльца. За спиной скрипнула дверь, и рядом с его угробленной в хлам обувкой замерли незнакомые лакированные туфли. Справа. Слева, чиркнув доски, сошли на землю армейские ботинки со сбитым носком. Военком! Но почему он? Хотя все правильно, человека военного если искать, то только через военкомат. Попробовать угадать хозяина стильной обуви? А стоит ли? Через секунду все равно сами проявятся. Не с добром же приехали. Лично он никуда не спешит.

Стоявшие над ним незнакомцы выдержку оценили, и тогда на плечи легли руки. Снова с двух сторон. Причем одна женская, другая мужская. Еще более интересный расклад получался. Что дальше? Подбежала бисерным топотком Анютка. Ей не до таинственности, уселась рядом с шоколадкой в руке. Околеловы детей вовек не угостят, скорее отнимут. Хотя это могут сделать те, кто желает войти в доверие под чужим флагом, на чужой спине. Через детей в том числе. Так учил «кап-раз»...

Невероятная догадка подхватила Егора, и Крокодил едва успел отшатнуться от него в своих лакированных туфлях. Сзади навалились Черемухин и Оля! Откуда? Здесь? Братцы, ведь вы остались в прошлой жизни!

— Проходите к столу, — позвала из сенец Вера.

В радостном возбуждении первых минут Егор не заметил ее слишком усердного, подчеркнуто уважительного ухаживания за Ольгой. И в красный угол за столом усадила, и первой ей борща — хоть и половину полownika, чтобы на всех хватило, — налила, и ложку, подавая, лишний раз полотенцем протерла.

— Не понимаю, — продолжал теребить друзей Егор, однако те отмалчивались, демонстративно увлеченные едой.

На подоконнике красовался этикетками коньяк, но хозяйка рюмок не выставила, и за столом звенели только ложки по тарелкам.

Ну и ладно. Даже если сослуживцы приехали не проведать, не поинтересоваться здоровьем, а попросить совета для каких-то неведомых своих нужд — видеть их считалось за счастье.

Со скорым, не рассчитанным на ораву обедом расквитались быстро. Аннушка, ошастливленная целым пакетом гостинцев, одной рукой на ощупь пыталась узнать в нем содержимое, другой приглаживала прическу перед кавалерами. Женька с Оксаной загуляли где-то после «Кукушкиных слезок», Василий же, демонстрируя хозяйственность, загремел ведрами и ушел к колодцу. Вера, уже понимая, что гости приехали за Егором, и почти не сомневаясь, что тот поскачет за ними обратно в Москву, с потухшим взором закутилась с уборкой стола. Оля принялась помогать, и только в этот момент «кап-раз» хлопнул Егора по плечу — пойдём покурим. Не забыл захватить с собой пухлую папку, с которой не расставался даже за обеденным столом. Значит, все предложения и просьбы в ней. Странно, что она не из кожи крокодила...

Облокотились на штакетник, на котором висели насаженные для просушки стеклянные банки.

— Красиво тут у вас.

— Николай Семенович, можно конкретнее, — то ли разрешил, то ли попросил Егор приступить к делу без дальних подступов.

«Кап-раз» упрямитесь не стал:

— На данный момент я назначен специальным подразделением МВД России. Практически заново создаются два направления: ШГС — штатных гласных сотрудников, и НГС — негласников. Особое внимание, конечно же, «внедренцам».

— Это... — Егор невольно выпрямился. Слово из оперативного лексикона приятно напрягло, но и обласкало слух. Так гончая «становится на хвост», когда начинает брать верхний след...

— Внедрение агентов ко всяким плохим дядькам. Под чужими именами-легендами. Но под конкретные задачи. Ты нам нужен. Под фальшь, — буднично сообщил «кап-раз», проверяя на прочность попавшую под локоть штaketину. Подгнила около лаги, где собирается влага, но еще постоит...

— Это... — вновь попросил расшифровать термин Егор. Что для профессионала обыденность, человеку стороннему режет слух и тормозит восприятие.

— В Россию хлынули миллионы фальшивых долларов. Выходим на канал поставки...

Егор кивнул, останавливая командира. Тот и так раскрылся более чем возможно перед человеком, который еще не сказал «да» на службу. А он и не скажет, потому что не сможет оставить племянников. Не говоря уже о Вере с большой Оксанкой.

— Я не просто уволен, Николай Семенович. С меня сорвали погоны, — отгородился первым же частоколом из своего прошлого Егор. Но сделал это и не без тайного ожидания: «кап-раз» наверняка об этом знал и, тем не менее, приехал. Почему? Что изменилось?

Дошла, наконец, очередь и до заветной папки, столь непривычно смотревшейся в руках Крокодила. Вжикнул замок. Бумаги внутри были сложены в нужной последовательности, потому что «кап-раз» стал подавать их не глядя.

— Это твой рапорт с просьбой о восстановлении на службе. По суду. Да-да. И не смотри так — восстановят: вот признание юридического департамента налоговой полиции, что по твоему делу допущены нарушения. Оно ляжет на стол судьи и будет удовлетворено.

Листочки были отпечатаны, не имелось только подписей и печатей...

— Это — проект приказа о прикомандировании тебя в МВД, в мой отдел. Служба — день за три.

День за шесть идет в плену. День за полтора — при службе в ВДВ и на оперативной работе, сопряженной с риском. День за три остаются на войну...

— Это, — продолжал уменьшать стопку командир, — о присвоении тебе очередного воинского звания «майор», поскольку сроки вышли месяц назад. Поздравляю.

Хлопнул по плечу, на котором вместо погон с двумя просветами зияла дыра на порванной рубашке. Для Егора это был сон, этого не предполагало ни при каких условиях. Однако радость и удивление сдерживал, понимая: все условия такого благоденствия еще не озвучены.

Но дальше пошло совсем невероятное!

— Эти три бумаги — выписки финансового отдела, — продолжил Крокодил. — Первая — о выплате двадцати окладов, которые ты должен был получить, если бы с тобой не разрывали контракт. Вторая — зарплата за вынужденные прогулы, вместе с премиями, между прочим. Ну, и в дополнение — приятная компенсация за моральный ущерб по суду. Сейчас

это модно. Ты чего? Не нужны деньги? — Крокодил остановился перед последним листком, увидев, как стала выворачиваться пропеллером штакетина в руках собеседника. Все же пора ставить новый забор...

— Как сказать... Где вы были хотя бы вчера?

— Рассказать, сколько согласований прошли твои бумаги?

— Могу представить. Просто... туфли остались бы целы.

— Здесь на тысячу новых. Тебе и всем твоим родным и близким.

На крыльце грюкнула дверь Вера, понесла в оставшееся без дел поросычье корыто остатки со стола для кур: после смерти отца Егор сам перенес сюда выводок. Фартук сбит набок, волосы словно специально растрепаны. В противовес ухоженной Оле демонстрирует золушку-простушку? Еще взбрыкнет и денги не возьмет, даже если он согласится на условия командира. Она такая.

— Подумай. Поброжу тут, — Крокодил показал на двор, но где бродить в небольшой загородке? Присел на крыльцо, пропустив вышедших из дома вслед за Верой попутчиков.

Военком прошел к машине, по пути подмигнув Егору — нормальные мужики приехали, доверяй им. Оля хотела податься вслед за Леной к налетевшим на еду курам, но «кап-раз» остепенил ее, наконец-то почуяв женскую ревность. Хозяйкой чувствовала себя лишь Анна, дающая советы Черемухину.

— После «Кукушкиных слезок» из сильных праздников идет Казанская, — втолковывала она несуразному городскому житейский порядок на земле и на небе. — Но она не вредная, потому что после обеда уже можно работать.

— Где ж про такое рассказывают? В школе?

— Не, в школе уроки. Бабушка Маня.

— А в школе отличница?

— Четверка по русскому. Перед каникулами учительница дала задание продолжить пословицу: «У кого что болит, тот...» Я и ответила, что «...тот от того и лечится». А в классе засмеялись и сказали, что неправильно. Дураки. Пусть попробуют полечиться от здорового.

Правильный ответ искал на предложения командира и Егор. По улице катил тележку Сеня Шанечкин. В детстве потешались над ним, пугая громким криком за спиной, при котором тот обязательно падал. Хотя знали, что его в войну контузило близким взрывом, и потому так пуглив. Бессердечные все же были. Навстречу Сене ретушировала в сотый раз пространство Алалылиха, не сводя глаз с военкомовской «Волги». Зато на пруду соревновались в многоголосице лягушки с соловьями. Где-то вдали-вдали, может, даже на украинской стороне, обозначилась кукушка. Вспомнилась деревенская примета: при первой кукушке обязательно в кармане должна лежать денежка, иначе весь год прокукуешь нищим.

Вернулся к листкам. Еще вчера он мог спокойно сделать из них бумажные кораблики и запустить по Неруссе. Или самолетики. Сегодня на них сошла судьба Оксаны. И кукушка продолжает куковать...

Оглянулся на крыльцо. Сидевшие там сделали вид, что считают ворон в небе. Из хлева вышла Вера. Намерилась прошмыгнуть в дом через задние двери, отрезая себя окончательно от московских проблем, но Егор окликнул:

— Вера. Подай, пожалуйста, ручку.

Юрка Черемухин в карман, Оля в сумочку — друзья поторопились оказать личную услугу. Но мудрый Крокодил, у которого ручка лежала

на папке, не дернулся, и подчиненные вернулись к журиничским воронам. И впрямь: никто из них не знал, чем жил все это время Егор, какие у него отношения с хозяйкой дома. А Оле, конечно, не следовало приезжать при любом раскладе.

Вера не выходила из дома долго, хотя уж что-что, а авторучка у учительницы всегда под рукой. И даже появившись на крыльце, попробовала передать ее через Черемухина. Тот, однако, усиленно протирал очки, не замечая просьбы, и ей пришлось спуститься на землю.

— Спасибо, — поблагодарил Егор. Зацепил руку Веры мизинцем, задерживая рядом. — Вот предлагают... здесь все хорошо.

Расписался на первом листке. И расправил плечи. Вскинул голову. Улыбнулся пусть и закатному, но солнцу. Решилась проблема, которую он не мог осилить для любимой женщины. Подобрал голос перед тем, как озвучить командиру единственную просьбу:

— Мне нужно три дня. В четверг я в Москве.

Московская троица не сдержала улыбок, а вот у Веры задрожали руки, которые она поторопилась подsunуть под фартук. Ничего, все наладится. Теперь все наладится! Он никуда не исчезает.

Никуда не исчез и Околелов!

Три милицейских «уазика» — возможно, все имевшиеся в наличии в Суземке, расшвыривая с дороги грязь и кур, угорело неслись к дому Веры. За ними, задыхаясь, чекалдыкала Алалыиха, носом чуя интересный разговор. Едва не расшибив друг о друга решетчатые лбы, машины баранами уперлись в единственную калитку в палисад. Из распахнутых дверок выскочили вооруженные экипажи, проткнули стволы автоматов между штакетин.

Какая все же красота в правильной военной тактике!

И только после этого настал черед явить себя миру Околелову. И не беда, что в разнокалиберной одежде — короткой куртке, длинных брюках, фуражке старого образца, рубашке без галстука. Скорее всего, что нашли по шкафам во всем отделении, то и наделось после купания в Неруссе. Но ведь у человека при власти важны права, а не обязанности! А свое безраздельное господство над миром и Журиничами Околелов нес на мушке взведенного пистолета.

Незнакомый народ на крыльце смутил лейтенанта мало. Лишь для придания решительности распахнул калитку так, что зазвенели нанизанные на штакетник стеклянные банки.

— Гражданин Буерашин, — с ходу направился он к первопричине своих несчастий. Больше извинений не будет!

С крыльца вдруг пронзительно свистнул «кап-раз». И если это стало неожиданностью даже для Егора, то что говорить об Околелове, словно споткнувшемся на утоптанном десятилетиями дворе. Но все верно, в ступор противник вводится именно неожиданными поступками. И Крокодил, выхватив у Анютки леденец на палочке, уже протягивал его разнокалиберному гостю:

— Будешь?

Он переключал внимание на себя, тупил острие милицейского гнева со взведенным курком пистолета о свою улыбку. Вера, как ни отнимались ноги от происходящего, пятилась к хлеву — запереться там и не выходить ни под каким предлогом: лучше сжечь себя в нем, чем сгореть от позора на людях. Со страхом наблюдала и Аня, но за испарившейся из рук со-салкой: неужели она и впрямь уйдет к другому?

— А ты почему еще не младший лейтенант? — продолжал вязать ноги Околелову дурацкими вопросами Крокодил, возвращая малышке конфету.

Старший лейтенант предполагал, что у дома Буерашина собрались, скорее всего, братки по контрабанде, и теперь в голове вертелось, как повязать всех и получить-таки капитана. Капитана, а не младшего лейтенанта. Какие бы покровители ни были у «контрабасистов», но они ему незнакомы, а значит, чужие и не в доле. За его же спиной целый взвод. И он сам неприкосновенен, потому как при исполнении...

— Ваши документы, — поднял пистолет Околелов на говорливого щеголя.

«Кап-раз» охотно вытащил черное в коже удостоверение с блямбой герба России. Распахнул его на манер американских шерифов, являя ламинированную, всю в печатях и переливающихся голограммах, внутренность. Черемухин и Оля, повторяя командира, также распахнули свои корочки, и все трое пошли на маленький пистолетик, на оцетинившийся автоматами штакетник, на три упершихся баранами «уазика».

Глаза Околелова перебежали с одного удостоверения на другое, в глаза бросались слова «Москва», «центральный аппарат», полковничьи звания, фотографии в форме тех, кто надвигался сейчас на него. Топорщившиеся волоски, только что не виляя хвостами, податливо улеглись на пальцы-колбаски, обнимавшие рукоять пистолета. Почему-то начали спадать брюки, и лейтенанту пришлось поддерживать их локтями. Сослуживцы, не понимая происходящего, нервничали за оградой, и, успокаивая их, Егор снял с чурбака таз с водой, приготовленный для постирушки. Устало присел на него, разогнул спину, а на деле подбирая мышцы: пантера прыгает за секунду до выстрела...

— Ваши документы! — вдруг заревел «кап-раз» на Околелова.

Тот, забыв про пистолет, полез вместе с ним в карман. В ту же минуту понял, что в чужих одеждах никаких удостоверений нет, и повернулся за подтверждением к подчиненным: я ведь ваш?

Однако тем впору было защищаться самим.

— Вы! — зарычал на них Крокодил. — Слушать меня! — Отодвинув с дороги лейтенанта, выставил непонятное удостоверение и с ним, как со щитом, пошел на сомкнувшиеся на его груди стволы автоматов. — Автоматы на предохранитель! Я как ваш старший начальник очень бы хотел, чтобы подобное рвение в службе вы проявляли по отношению к реальным бандитам. А теперь хочу, чтобы вы посмотрели и запомнили на всю жизнь вот этого доброго человека, который просто пожалел вас, никого не угроби, — «кап-раз» ткнул пальцем в Егора.

Милицейеры недоверчиво перевели взгляды на сгорбленного, замызанного деревенского мужичка на чурбачке. Егор поднял взгляд на командира, и тот действительно кивнул: да! Не знаю, что и как, но покажи, чему обучен. Закрой раз и навсегда тему с районными защитниками, чтобы, когда ты в следующий раз только будешь подъезжать к Брянску, они уже стояли по стойке «смирно» и с хлебом-солью. Да и самому пора вспомнить, какой ты есть на самом деле. И что гвардия протирать штаны на деревенской завалинке не имеет право.

С каким наслаждением, в какую охотку Егор, выхватив из-под себя чурбак, с разворота вбил его в верхний край лаги. Та вырвалась из сто-яка вместе с ржавыми гвоздями, и Егор дернул изгородь на себя, прида-вив сложившимися штакетинами стволы автоматов. Пока их хозяева в

замешательстве дергали попавшее в плен оружие, Егор, сорвав сушившиеся банки, хлопнул ими над головами милиционеров, заставив укрываться от мельчайших осколков. Этих секунд хватило сбросить разбитые туфли и взвиться в высоком прыжке. Так работают по головам противника «верхолазы».

Околелову досталось пяткой в лоб. Участковый, его фуражка и пистолет полетели в разные стороны, и хотя оружие на лету поймать не удалось, все равно через секунду оно уже упиралось в затылок лейтенанту, распластавшемуся рядом с корытом для кормления свиней.

Хлопали крыльями взлетевшие на забор перепуганные куры. Звякнул о пол леденец, выпавший из открывшегося от изумления рта Аннушки. Крестилась на дороге Алалылиха, ставшая случайным свидетелем побоища. Бежал от колодца, расплескивая воду, пропустивший самое интересное Васька.

Равнодушным остался лишь Крокодил. Даже не оглянувшись на Егора, воспринимая его молниеносный рейд по штaketнику и головам суземцев хотя и как показную, но скучную, сто раз виденную тренировку, он подошел к замершим милиционерам и тихо-тихо, устало-устало, но непрекословно-непрекословно прошептал:

— Становись!

О, будьте благословенны, армейские команды! Убирающие разброд и шатания, сомнения и тревоги. Делющие из толпы строй, из мужика — солдата. Подчиняющие единому командиру волю и оружие. Даже военком, прихрамывая, как бы не со всеми, но рядом, стал в общую шеренгу.

— Смирно! — более грозно рявкнул Черемухин, показывая бойцам, что перед ними находится начальник такого уровня, который может позволить себе лишь принимать рапорты, а не строить шеренги. И едва милиционеры, стараясь не смотреть на распластанного лейтенанта, подравнялись, доложил: — Товарищ полковник, личный состав подразделения милиции по вашему приказанию построен.

Команды «вольно» не последовало — требовалось держать строй в напряжении, чтобы окончательно выветрить дурные мысли из голов. Лейтенант, хотя и приподнялся, но остался на месте, не зная, занимать ему место в строю или, подальше от греха и «верхолаза», пока не двигаться.

Зато, прошмыгнув мимо строя, бросилась к брату Аня, залепетала ему на ухо о только что произошедшей на ее глазах драке. Время от времени даже пыталась дрыгать ногой, повторяя приемы. И только Вера в оцепенении смотрела на Егора, вытаскивающего из пистолета магазин с патронами.

— Я доложу вашему руководству обо всем, что произошло здесь, лично, — то ли пригрозил, то ли снял с милиционеров необходимость оправдываться, Крокодил. — По машинам!

Дернулся, боясь отстать от подчиненных, и Околелов. Засеменил в спадающих брюках к машине.

— Как-то так! — извинился перед Егором командир за цирк с милицией. Посмотрел на часы: — Нам к поезду. Проводишь?

«Да!» — попросила Оля.

«Как хочешь», — отвернулась Вера.

— Через три дня я в Москве, — Егор повел руками на хозяйство: мне бы теперь успеть справиться с домашними делами.

— Тогда...

Командир подозвал Олю, кивнул ей на сумочку. Та распахнула ее охотно, словно желая быстрее освободиться от выпирающего груза.

— Тогда вот. Брала под расчет, — Николай Семенович кивнул на пачки денег, теснившиеся в сумочке. Значит, Оля ехала кассиром... — Это чтобы тебе сто раз не мотаться. Но расписаться надо, — извлек из своей папки последний листок. Вот тут пригодилась и его личная авторучка.

День, начавшийся с грозы, засверкал радугой, хотя пакет, в который гости пересыпали пачки, был черный.

— Дядя Егорка, а твои друзья еще приедут к нам? — дернув за рукав, вывела Егора из оцепенения Аня, когда «Волга» военкома, вальяжно прокачав широкими бедрами, исчезла за околицей.

— Обязательно. Но сначала мне надо будет съездить к ним самому.

— А... мы?

Егор прижал племянницу, затих вместе с ней. И впрямь: неужели деньги перевешивают заботу об этом податливом родном комочке? Возможно ли разорваться в сложившейся ситуации?

Раздался стук топора — Васька возвращал на место лагу. Неизвестно когда появились Женька с Оксаной. Вместе с Варей они неотрывно смотрели на Егора, понимая, что мир, только-только вроде устоявшийся, снова рушился с его отъездом. Зря приехал Крокодил. Нашли бы они эти деньги. Трудно представить, как и где, но... В то же время без гостей взвод автоматчиков снова уpek бы его в камеру нюхать хлорку. И неизвестно, как бы отыгрался Околелов на Вере...

Вернув чурбак на место, сел на него, остальным показал на крыльцо — рассаживайтесь. Денежную торбу собачонкой уложил у ног.

— Расклад такой: мне снова на службу, — сказал об этом как о свершившемся факте, не допуская слушателям думать об иных вариантах. — Поэтому, мужики! — Васька и Женька встали. — Объявляетесь старшими на объекте. Оксашке готовиться к операции, — улыбнулся побледневшей девочке, словно ей едва ли не завтра предстояло ложиться под нож. — Живете мирно и дружно. Я приезжаю и проверяю. Отличившихся поощряю.

— А где мы жить будем? — подала голос Аня.

— Официально — у бабы Мани, опекунство от дедушки переведем на нее. Но можно и здесь, всем вместе, если не будете друг друга обижать.

— Правда, здесь будем, Вась? — затеребила Аня брата.

— Отвянь, — отмахнулся тот. Уставился на дядю Егора — какие еще указания? Делаться-то будет так, как решат мужики.

— Женщинам — заниматься хозяйством, а вы мне нужны, — кивнул ребятам.

Однако Вера не тронулась с места. Дети, какие ни были малые, а поняли, что взрослых надо оставить одних. Ребята принялись собирать стекло у забора, девочки исчезли в доме.

— Служили вместе, — попробовал откеститься от Оли Егор, понимая, что Веру занимает только она.

Вера кивнула, соглашаясь.

— На меня опять надевают погоны.

Вновь согласие, но такое, что лучше обухом по голове.

Легче всего Егору было сослаться на военную тайну, которая умирает вместе с солдатами, и замолчать вообще, но самолюбие следовало укротить: Вера ведь и впрямь растеряна. И наверняка главную причину его отъезда видит в Оле, хотя просто не знает, что та привезла в своей сумочке...

— Сбежим сегодня от мелкоты? — шепотом попросил Егор. Прерывающая интригу, открыл перед Верой пакет с пачками денег.

Мостки, на которых стояла Вера, задрожали сильнее, и любое движение нарушало балансировку — что отказ, что согласие. Неужели все возвращалось на круги своя и получалось, как в доме у Сергованцева: деньги для Оксаны — только на каких-то условиях? Закончится это когда-нибудь?!

Егор так и не понял, почему резко захлопнулась вслед за девушкой калитка в огород.

Глава 3

Пробудил Егора Буерашина женский голос, объявивший следующую остановку метро. Со времен «наружки» помнил мало кем замечаемое: мужской голос в вагоне объявляет станции в центр, женский — из центра. На кольцевой линии информация — по часовой стрелке. Делается так для ориентации в пространстве незрячих, но, выходит, спящим этот прием подходил не меньше.

Егору нужен был центр, но выскочить не успел, и очередной перегон оказался неизбежен. Взгляд на часы успокоил: до назначенной встречи оставалось больше часа, и он вернулся на свое место.

Напротив сидел грач — худой мужик с покатою спиной, в кепке с длинным козырьком, из-под которого, тем не менее, высовывался горбатый нос. Лапы в кедах непрерывно перебирали перед собой пол. Совершенно неуместными казались руки, но благо, что он их, как крылья, в итоге скрестил на груди.

Рядом с птицей, пытаюсь перемолоть во рту жвачку, непрерывно двигал челюстями бегемот с тяжелым, раздвоенным, плохо выбритым в ямочке подбородком.

Цапля в очках, с аккуратно застегнутой верхней пуговичкой на кофе, — возможно, еще мамой в первом классе, — держал на сомкнутых коленях бухгалтерский потертый портфель. Вид мальчика-старичка заранее являл согласие на любую виноватость, и в возможную легкую добычу впилась немигающим взглядом стареющая кобра с длинным полосатым шарфом на длинной шее. Цапля пытался отвернуть голову, но рядом с коброй сидела подстриженная под мальчика седая сорока-воровка, дерганно зыркавшая по сторонам в поисках собственной жертвы, и очкарик просто спрятался под прикрытые веки. Может, так тоже учила избегать девочек мама...

В уголке вагона пыталась по учебнику Конституции учиться обустройству жизни студенточка-пигалица. Перед ней зеркально шептала буквы в Акафисте про то, как жить нельзя, монашка без возраста, без фигуры, без единой кровинки на лице. Может, из-за такой ее отрешенности к ней не подошла ни одна живность из мира природы, и Егору стало интересно: а как выглядит со стороны он сам? Или это зависит от настроения, с которым проснулся?

Хотя прошедшей ночью не уснул ни на минуту — память не отпускала бежавшего за поездом Василия. В глазах парня читались такие тоска и отчаяние, что Егор едва не сорвал стоп-кран. Племянник, в одночасье ставший главой сразу двух семей и опорой бабе Мане, хорохорился до момента, пока Егор не поднялся в тамбур вагона. Все! Оказалось, все — взаправду! Испуг заставил Василия схватиться за поручни, и проводни-

ца застучала по его рукам свернутыми желтыми флажками, показывающими машинисту право набирать скорость.

— Дядя Егор, я справлюсь! — кричал, не стесняясь слез и посторонних, племянник. — Только вы быстрее назад. Быстрее, а то я оди-и-и-ин...

— Мужчина, займите свое место, — попросила проводница, захлопывая дверь в прошлое.

А где оно, место в этой жизни? Как и кем печатался ему туда билет, тем более в проходящий поезд?

За мутным от старости окном, иссеченным километрами ветров, замелькали забеленные туманом низины. Из них, как из озер, в надежде не замочить ветки-волосы высовывали кудлатые головы дубы. Буйствовала, выпирая из леса, поросль. Она безжалостно выкашивалась вдоль полотна под «ноль», под солдат-первогодков, и только нетронутые электрические столбы сержантами вытягивались во фронт перед проходящим составом. Какое-то время за поездом гнался по параллельной дороге желтый автобус с блестящей, словно ленточка на бескозырке, надписью, но куда матросику до скорого. Отстал, как Васька, остался позади, в прошлом. Вместе с детворой, деревней, Верой.

— Ты ведь вернешься? — вопрошала она, отстраняясь от его ненасытных поцелуев. И лишь слыша улыбочное «да», сама припадала к Егору, счастливо укальываясь о его усы.

Они сидели на крыльце родительского дома Егора. На входной двери тяжелым червеным орленом висел замок, но едва Егор достал ключ, Вера повисла на руке. Для нее спрятаться от всех в темноте крыльца уже выглядело предосудительно, а заходить в пустой дом и закрываться... Лучше посидеть на лавочке.

— Ты ведь скоро вернешься, да?

— Как только выполню поручение — сразу обратно.

— Но оно ведь не опасное?

— Что я, дурак?

«А разве нет?» — вскинула голову Вера, и Егор слегка толкнул девушку плечом: что ж ты так соглашаешься сразу! А попробовать уговорить в обратном?

— Есть немного, — по-учительски не отступила от правды Вера и сама осмелилась прижаться к Егору. Какое это, оказывается, блаженство — желанно идти под ласку. Самой...

Только что прошел прощальный общий ужин, разобрались с квотами на операцию, раздались все указания. Детвора засобиралась в клуб, а Егор с Верой, проводив бабу Маню, на обратном пути остановились около дома Егора.

«Зайдем?» — откровенно спросил взглядом Егор.

Вера оглянулась по сторонам. Это только говорят, что в деревне нынче хоть голый пройди по улице, никто не увидит. Голого, может, и не увидят, а вот заходящего в чужой дом отследят во всех окнах.

Егор, тем не менее, взял ее за руку и направился к крыльцу. Вере хватило сил лишь дойти до ступенек, где она умоляюще посмотрела на спутника: давай не надо. Боюсь. Не знаю, чего, но... Опережая разочарование на лице Егора, давая надежду и разрешение на все в будущем, коснулась ладонью его щеки:

— Ты только возвращайся быстрее.

Вернется. Не знает, насколько скоро, но теперь вернется по самой быстрой возможности...

Утром распланировал оставшееся до отъезда время. Первым автобусом доехал до Суземки. Военком через пару звонков отыскал свободного экскаваторщика, согласившегося за солярку разбить и сдвинуть бетонную плиту над родником в Тихоновой пустыни.

Евсей Кузьмича на посту, слава Богу, не оказалось: неизвестно, как бы он отнесся к идее завершить работу одним махом. Через бурелом, образовавшийся с времен последней ходки цементовоза, бульдозер продрался к родниковому надгробию. Люди, бравшие воду у нового источника, оставили свои бутылки и с недоумением наблюдали за вторжением техники.

— Все нормально, — успокоил их Егор, а бульдозеристу показал: оставишь небольшой кусочек, если Евсей Кузьмич все же захочет долбить бетон самолично. Но остальное — круши.

Даже для стального ковша задача оказалась не из легких, но удар за ударом, кусок за куском бульдозер подавался вперед. На грохот осколков и скрежет стальных зубов прибежала с иконкой в руках монашенка. Но и она замерла, не понимая, бросаться под технику или благословлять на освобождение исконного источника.

Но когда в грязном мшистом месиве, намолоченном гусеницами, вдруг забился, застучал сердечком, с каждым ударом светлея, родник, собравшиеся стали обниматься. Егор же опустил пригоршню в пульсирующий самоочищающийся центр. Поднес воду к губам, но вспомнил Анюткины увещания: прежде чем испить святой водицы, промой глаза и уши. Под одобрительное кивание монахини провел омовение, зачерпнул ключевой воды повторно. Зубы, как и положено, заломило: родники и купели держат всегда одинаковую температуру в 6-7 градусов.

— За тебя, отец, — прошептал на воду Егор. Опять же Анютка убеждала, что вода все помнит.

Бульдозерист наблюдал за происходящим из кабины, сам утолив жажду из купленной на заправке бутылки: не каждый родник целебен. Зато на обратном пути в Суземку среди прочих местных новостей коснулся тех, у кого сгорели на днях «Жигули».

— Подожди, как пить дать, подожгли, — водитель даже протянул бутылку с водой, подтверждая убеждение. При этом старался ехать сбочь дороги, чтобы не побить асфальт, а потому ощущались позвоночником все колдобины. — Наверняка кому-то насолили, слишком шустрые ребята. Теперь у рынка безлошадными околачиваются.

— Топор и веревка есть? Останови у дубка.

Слишком странным показалось водителю желание пассажира, личное время было еще дороже, но в призывном возрасте с военкомом надо дружить крепче, чем с милицией: упечет месяца на два-три на сборы, будешь куковать. Да и остановка оказалась недолгой: несколько ударов топором, колдовство над куском жгута, и вот уже завертелись спицами в колесе сделанные на глазах нунчаки.

— На всякий случай, — вроде пояснил, а на деле нагнал еще большего туману Егор, засовывая палки за спину и прикрывая их выпущенной рубашкой.

Он не знал, что станет делать с насильниками. И найдет ли их вообще. Но они должны отныне дрожать всю жизнь. От скрипа двери, лая собаки, грома в небе, ночной тишины, смеха или плача за спиной. Ото всего. Веру понять можно, ей огласка страшнее самого насилия. На это, может, и рассчитывали. Но над каждым в этой жизни должен висеть да-

моклов меч, если нет совести и чести. Плохо, что он сейчас не в руках власти. Но ныне и власти, собственно, нет.

— Ты и ты! — подойдя к играющим на капоте легковушки в карты, выделил тех, кого запомнил по силуэтам во время пожара, и уловив ут-вердительный кивок бульдозериста.

Игроки недоуменно переглянулись. Не увидев угрозы в гладко вы-бритом, пижонистом незнакомце, названные парни подошли, даже не оставив на капоте карты. Они взлетели салютом, сверкая разной мастью. А нунчаки, выбив их из рук, уже ходили по спинам, распарывая рубахи, по ногам, когда картежники попытались бежать.

Бежали ползаеть на драку оказавшиеся поблизости мальчишки.

— Ниндзя!

— Китайский ниндзя.

— Я знаю, это нунчаки. Ими убить можно, если по голове или по поч-кам.

Егор не убивал. Даже сдерживал силу ударов, чтобы не ломать кост-ти. Он просто загонял ползущего врага в огромную лужу, не нашедшую стока около почты. Попытки встать и убежать пресекалась вертящейся колотушкой, и несчастные осознали, что спасение если и наступит, то только в луже.

— Что же ты делаешь, ирод!

— Покалечишь же, остановись! Милиция!

— Что мы смотрим? Он один, а нас...

Перед попытавшимися подступиться к драке Егор устроил такое дубовое мельтешащее солнце, что те благоразумно остановились. Он не уби-вает и не калечит. Он пока даже пальцем никого не тронул. Но кроссов-ки не пожалел, вошел в них вслед за ползущими тварями в воду. Там за-ставил их перевернуться на спины, вдавил концы дубинок меж ног более крупному парню с трехдневной щетиной.

— Ясно, за что?

— Н...н...н...

Егор не зря оставлял сучки на дубовых деревьяшках. Резко повернул оружие, намазывая на него брюки. Мелькнув в воздухе калошками, они тяжело, как жирная ворона, но взлетели на крышу почты. А нунчаки вновь недвусмысленно уперлись меж ног, вызвав новые стоны небритого верзилы.

— Это Сергованцев, он заставил, — прозвучало наконец признание.

— Если захочу, завтра засажу в тюрьму. Зарою на двадцать лет.

Нунчаки успокоились, лишь сдернув с несчастного трусы, отправлен-ные вслед за штанами. С обреченной готовностью дождался такой же про-цедуры поделник.

Толпа зевак разрасталась, но Егор пошел прямо на нее, зажав нунча-ки под мышкой.

— Они знают, за что, — объяснил любопытным. Демонстративно на-ступил на валяющуюся на асфальте карту шестерки крести. Шестерки, не понимающие, как встать голыми из лужи, свое получили. Теперь...

Туз явился сам. То ли успели передать, то ли Борис Сергованцев сам увидел толпу и подъехал из любопытства, но джип с молнией на дверце заложил вираж через двойную сплошную разметку. Понять происходя-щее было сложно, отметил лишь лежавших в воде поделников, что не предвещало ничего хорошего. Да и направившийся к машине Егор дру-жеского настроения не демонстрировал, поэтому Борис нырнул обратно

в джип, поднял стекла. В толпе хлопнули в ладоши, но робкие аплодисменты смолкли быстро: незнакомый ниндзя как приехал, так и уедет, а Сергованцев со своими нукерами останется.

Егор остановился около джипа. Только что у родника он вспоминал, как Евсей Кузьмич приходил к ним в дом и они обнимались с отцом. На стол выкладывалось все имевшееся угощение, и Егор с печи с благоговением подсматривал за партизанским командиром. Отцы воевали вместе, а сыновья — уже враги. А всего-то прошло два года со времени развала Союза.

Нарисовал на пыльной дверной молнии крест. Как черную метку на будущее. Пусть тоже боится всего и прилюдно, и запершись в машине.

Не оглядываясь, пошел в сторону милиции. Мальчишки бежали следом, прося показать еще какой-нибудь приемчик, и он перед зарешеченным окном милицейского дежурного прокрутил ставшие ненужными дубовые палки. Увидев осколок стекла, перерезал им веревку и забросил деревяшки в урну.

Дежурный капитан уже стоял навтыжку за стеклом. Вернувшаяся принадлежность к силовому ведомству придала Егору не просто уверенность, она вернула чувство собственного достоинства.

— Майор Буерашин. Мне увидеть лейтенанта Околелова.

Капитан, изогнувшись над столом, высунулся в полукруглое окошко губами:

— Лейтенант Околелов. Сегодня уволен. Со службы. Написал рапорт. После звонка. Из Москвы-ы-ы, — последнюю телеграфную фразу капитан протянул, давая понять, что он понимает связь между появлением незнакомца-майора и всеильным звонком. — Сейчас... Начальника отделения...

Начальник, устраивая на голове фуражку, уже сбежал со второго этажа. Подполковник безошибочно угадал в посетителе доходягу и контрабандиста, вздумавшего угрожать участковому, но неожиданно оказавшегося майором какого-то спецподразделения из центрального аппарата МВД. С пресс-хатой и хлоркой Околелов, эта последняя сволочь и негодей, проявил, конечно, должностное преступление, товарищ майор, и этому нет оправдания, товарищ майор. И потому, товарищ майор, его рапорт на увольнение уже несется на дежурном автомобиле в Брянск, и он, начальник отделения, лично проследит, товарищ майор, чтобы его подписали как можно быстрее...

— Подполковник Зябликов, — представился первым, признавая за вошедшим, пусть и младшим по званию, любое главенство. Собственно, фуражка на голове как раз и дает возможность взять под козырек: чего изволите, товарищ майор?

— Борис Евсеевич, потом, я занят, — перегнувшись, заглянул за спину Егора подполковник, едва ли не взяв левой рукой под козырек новому посетителю.

Сергованцев. Приехал за защитой? Отлично!

— Пусть постоит рядом, — тоном, не терпящим возражения, попросил Егор. Поворачиваться не стал, веря, что его просьба безусловно выполнена. — А вас я попрошу, товарищ подполковник, об одной ма-аленькой услуге. Я на некоторое время отлучусь по служебным делам в столицу, — Зябликов стал во фронт, хотя уже смиреннее нельзя вроде было. — У меня в Журиничих родственники, Борис Евсеевич их знает, — привязал и Сергованцева к будущей ответственности. — Пусть новый участковый

навещает их время от времени, интересуется, не обижает ли кто... Я могу на вас надеяться? — поинтересовался абсолютной глупостью, потому что подполковник Зябликов всем своим видом уже выказывал готовность самолично взять под контроль семью уважаемого человека. И ни один, ни-ни, никто...

— До свидания. Как только завершу московские дела, вернусь и тогда в спокойной обстановке попьем чайку, — пожал оторвавшуюся, наконец, от козырька руку начальника. А теперь разбирайтесь с Сергованцевым.

Тот стоял на пути к выходу, но во всем виде Егора было столько решимости смести все на своем пути, что Борис отпрянул к столику с образцами документов, за которыми неслышная и невидимая старушка пыталась написать какое-то заявление.

Снести не мог Егор со своего пути лишь неизменный черный джип, по-хозяйски загнанный по тротуару к самому крыльцу. Уверенный, что оставшиеся в здании наблюдают за ним, остановился. Его крест, поставленный на молнии возле почты, был стерт, и поставил рядом еще один. Шуганул пацанов, вытащивших из урны дубовые палочки и вертевших их в надежде познать секрет «китайского ниндзя»: без опыта лбы себе расшибете!

Началом дня можно было удовлетвориться. Не только из-за очищенного родника, но и, что Егора самого удивило, из-за радостного ощущения места. Благодарство, исподволь утверждавшееся всей его службой, безогорочно породнилось, пропустил вперед незнакомое доселе чувство, рождавшее звериный оскал. Скорее всего, отморозками и становятся как раз те, кто перешагнул это зыбкое пограничное состояние. Поэтому... поэтому дважды хорошо, что уезжает. Спасибо «кап-разу». Это не значит, совсем не значит, что предается Вера, а он полностью удовлетворен сделанным. Однажды он вернется. Он не знает, что предпримет, словом или делом вгонит в землю по самые плечи вставших на его пути. Время покажет.

В Журиничих его ждали, и хотя стол был заставлен до последнего василька на клеенке-скатерти, ребята набросились на гостинцы: в детстве быстрее всего кончаются конфеты. Вера теребила косу у окна, ожидая услышать то, что будет касаться их всех в ближайшем будущем.

— Участковый сменился, у Околелова служба не пошла, уволен, — сообщил первую новость, приступив к борщу. Зацепив ложкой несколько кусочков мяса в своей тарелке, осмотрел остальные. Так мама пыталась в свое время подкормить отца перед тяжелой работой. И, как отец, поделился курятиной со всеми. — Родник очистили, дедушка может спать спокойно.

— Про колокол ничего не узнал? — влезла со своим Аня, уверовав во всеильность дяди.

— Разберемся и с колоколом, — обошел точные формулировки Егор. Так моряки никогда не называют точное время прибытия в указанный район, заменяя их более честной фразой: «Полагаю быть в...» — Женька, чего халтуришь в тарелке? Не одну жижекку хлебай, в гуще вся сила.

— Поросят нет доедать за каждым, — поддакнула Анна. — Во, гляди, чистая. Можно сюда же и второе, чтобы лишнюю воду не тратить. А то некоторые даже жопки свои не моют, — скосила глаза на Женьку, мывшего посуду после завтрака. Вера замерла с занесенной над картошкой ложкой, Оксана прыснула, и Аня оглядела всех как неразумных: тарелки с другой стороны дна и есть жопки. Не знали, что ли?

На деле мстила Женьке, не найдшему ее куклу на празднике. Ей что теперь, за репейник замуж выходить? Вот такая она, жизнь взрослая — ни дар, ни купля!

— Федорович! — послышалось с улицы. Пятак висел на изгороди не хуже горшка, блестя лысиной. — Картоху окучил?

— Сдалась ему наша картоха, — постучал ложкой по тарелке Васька. — Будет просить выпить.

— Пускай растет с мою голову, — пожелал Пятак счастливого процветания. Посчитав благородство и деликатность достаточными, вознамерился приступить к главному, но Васька неожиданно высунулся в окно и на правах хозяина попросил:

— Дядь Вить, мы тут обедаем семьей. В другой раз.

Вернувшись за стол, поставил точку:

— Кусок хлеба дам, на водку — нет! Повадится ходить, как куцелаяпый, потом не отошьешь.

Егор успокоительно кивнул Вере, не принявшей подобного тона в разговоре со старшими: именно и только так! А насчет куцелаяпого Васька опередил. Пора начинать охоту и на него.

К заброшенной ферме Егор повел племянника и Женьку в третьем часу ночи. Время мертвое. Опять же моряки, которым выпадает стоять на вахте с трех до пяти утра, признаются, что проваливаются в небытие и порой не могут вспомнить целые промежутки времени.

Время одновременно и волчье, любимое ими для поживы. Все хищники — это ночные охотники. Все, кроме белки, если только она зверь.

Наживку Егор нес на руках в сумке — двухмесячного козленка, выпрошенного у бабы Мани. Новорожденные волчата на самостоятельную охоту выйдут только осенью, так что вожаку стаи требуется искать пищу и для них. И чем мышковать, гоняясь по полям за сусликами и мышами, лучше ведь сразу взять козленка. Так, волчара?

С двустволкой шагал Васька, Женька коротко подсвечивал фонариком. Егор жалел, что накануне брился, освежившись любимой, но исчезающей с прилавков «Красной Москвой», одеколоном. Это зрение у серого слабовато, потому как дальтоник, но слух и обоняние в сотни раз сильнее человеческих. Натер, конечно, щеки заваркой из листа смородины и хвои, но полтора километра — уже критическое расстояние, с которого волчара может чують абсолютно все запахи. Как говорится, если конь ходил под упряжью, то и колбаса из него будет пахнуть потом. Так и человеку никуда не деться от шлейфа шампуней, стиральных порошков и прочих запахов цивилизации.

В принципе, сам человек для волка не страшен, хватка клыками — сила в триста килограммов, перемелет любую кость. Но у двуногих есть огненные ружья, тоже за сотни шагов пахнущие металлом, остатками пороха и ружейной смазкой. Потому вместе со щеками Егор протер всевозможной природной косметикой и ружье. Интересно, потребуются эти его знания на новой службе? Или впору изучать повадки людей?

Заведя ребят в бывший закуток для новорожденных телят, оставил им дрожавшего от неизвестности козленка. Не подкашивайся раньше времени, парень, баба Маня трижды тебя перекрестила. Сам с ижевской двустволкой, запахнувшись в отцовский парусиновый плащ и проверив надежность сидевших на ногах резиновых сапог, пошел на край фермы, где остались с колхозных времен горы навоза. Его запах — единственное,

что могло перебить волчар присутствие человека. В самой большой горе Егор заранее и выкопал вилами берлогу — строго на волчье логово на краю болота, указанное племянником. И едва уселся в вонючей теплой дыре, заблеял козленок. Его разрешалось щипать, дергать за хвост, валить на пол — бляение должно нести в ночное небо тревогу потерявшегося беспомощного животного. Волка на мякине не проведешь, но на навозе можно попробовать. Главное, чтобы ребята ни при каких условиях не выходили из коровника наружу, на линию огня. А ему самому надлежало просто замереть на несколько часов и ждать.

Блеял козленок, сгущалась предрассветная чернота, смыкались от неподвижности глаза. Луна искала малейшие просветы в невесть откуда натянувшихся тучах, чтобы убедиться, что не оторвалась от земли и не улетела в бездонный космос. Хорошо, ветер на нуле, врагу не помощник. Если не удастся взять куцелапого сегодня, придется повторять охоту по возвращении. Только вот когда оно случится? Что уготовано ему в Москве? Как выстоят без него здесь, в Журиничах? Женька попросил сделать турник...

Моряки правы насчет мертвого часа. Несколько минут словно коро-ва языком слизала, благо они и находились в остатках коровника. К реальности вернул волк, подавший вдали голос. Ему хоровым подвывом ответила от болота стая. Зовет на пир свой выводок? Проверяет округу на опасность? Никто еще не распознал язык зверей и птиц...

Козленок, как индикатор, истонно заблеял без всякого понукания. Значит, не показалось! Потерпи, родной. Сто лет жить будешь, потому что мы тебя в обиду не дадим, а утром отпоим молочком от стресса. Молоко — оно целебное, мать в детстве уповала только на него, даже перед сном подходила с кувшином: «Выпей на ночь молочка, чтобы ерунда не снилась».

Курки уже мягко, подушечками пальцев взведены. Утро серело, такой рассвет художники не рисуют, и не потому, что красоты нет, а просто практически невозможно подобрать для работы блеклые краски. В самых секретных документах также используют только размытые, невыразительные тона, которые невозможно повторить. И ждать, жда-а-ать! Хищник своего не упустит, он уже на махе...

Нет, никаких махов очерта голову. У волка недостатков нет. Лишь через несколько минут Егор уловил крадущуюся среди травы тень. И, наконец, увидел глаза. Более всего волка выдают именно они, зеленым лучом, как прибором ночного видения, просматривающие местность около рва, отделяющего колхозные поля от пастбища. В том, что пришел нужный зверь, сомневаться не приходилось: стая живет на одном месте по восемь-десять лет, не пуская чужаков в свою зону. Давай, волчара, пробуй обмануть весь мир. Вцепись в него клыками. Хотя стоишь, подняв голову и хвост в ожидании тревоги. Правильно, любое здравомыслящее существо так бы поступило. Благо, ты не умеешь пользоваться шеей, поворачиваешься сразу всем туловищем, но мы тебя и ждем строго по курсу на распахнутую дверь телятника, наполненного истошным криком козленка. Ну же!

Меж двух зеленых светлячков-ориентиров, взлетевших над рвом, вогнал дуплетом выстрелы Егор. Вырываясь из ямы, надломил ствол, сбил новые патроны с дробью под номером 10. И кучно, и прошивает насквозь, хотя одного попадания все равно бывает недостаточно. Всадил из одного ствола в место, где мог быть волк. Не ошибся: раздался предсмертный вой, не услышанный при первом залпе.

Подранки не уплзают, они бросаются в агонии на врага, и Егор не опустил ружье, пока явно не увидел дергавшегося в конвульсиях убийцу Тузика и не произвел контрольный выстрел под приподнятую в судороге исковерканную капканом лапу.

Теперь можно и в Москву.

Глава 4

Поднявшись по эскалатору метро наверх, Егор присел на лавочке в сквере. В просвете между домами виднелся уголок площади Дзержинского. Уже без памятника основателю ВЧК, объявленного едва ли не врагом народа и снесенного митингующими во время ГКЧП. Снесли, и что дальше? Лучше стали жить? Что за машина времени включилась, дав задний ход? Впрочем, он даже знает, где и когда...

До входа в указанное в записке здание оставалось еще около часа, и, по большому счету, можно было изменить ситуацию, вновь нырнув в подземный людоворот, развозимый метро по 150 станциям. Найди потом иголку в стог сена.

Хотя, конечно, никакого выбора у него не имелось. Деньги на операцию лично отвез в Брянск, остатки распределил между Верой, бабой Маней и Васькой. Лишь бы они продержались. Лишь бы у него самого имелась возможность время от времени отскакивать к ним из Москвы хоть на пару часов.

Сам помечтал, сам же и усмехнулся этому своему желанию буквально через пару минут после начала беседы с «кап-разом»: никаких часов у него в ближайшее время не будет. Свиданий в прямом и переносном смысле тоже, потому что единственная пока зацепка за долларовых фальшивомонетчиков — это два белоруса, скупающие фальшь один к двум, если бумага печаталась в России, и один к полтора — если за границей.

— Отсюда и задача: завязаться на скупку, внедриться в те круги, — улыбнулся Николай Семенович легкости задачи. — А дальше посмотрим.

Стоявшему у окна сухому, как тарань, человеку по имени-званию «Сергей Сергеевич» все произносимое хозяином кабинета было наверняка знакомо. И служил он, скорее всего, на родной, но уже забываемой Лубянке, о чем говорила «принадлежность» преступления: фальшивомонетки — это компетенция Лубянки. Биографию кандидата на внедрение Сергей Сергеевич, вне сомнения, знал прекрасно, но ему, судя по всему, важнее была реакция Егора.

Поведение новичка удовлетворило, и Сергей Сергеевич оторвался от созерцания природы за стеклом, сел напротив.

— Вас сегодня ждут в небольшом камерном театре. Мне кажется, несколько уроков актерского мастерства вам не помешают, — он пошевелил перед Егором пальцами, и в них, как у шулера карта, возникла визитка. Это порадовало, придало Егору уверенность: знает, куда отправляет. — Ну, а затем — на одну из подмосковных свалок. Поживете среди обитающих там бомжей, подберете более-менее похожего на себя «синяка», который никогда не станет возвращаться к нормальной жизни, возьмете его имя, биографию, а документы мы подчистим. Чем глубже получится внедриться, тем серьезнее вас будут проверять.

Это Егор уже проходил в «наружке»: одеваешься как в ресторан, а в итоге приходится лазить по помойкам. А у внедренцев, как у тюремщиков, выходит, даже театр — камерный...

Однако главным в указанном на визитке театре оказались не репертуар, не стены и количество мест, а режиссер. Ему одному было позволено метаться по сцене и махать руками перед артистами, кроликами застывшими у кулис.

— Драма, драма во все времена есть королева жанра на сцене. А чем мы будем удивлять народ? Голыми задницами? У меня это не пройдет, мы русский театр, театр слова, мысли и действия, а не мата и нижних частей тела. Почему посторонние на сцене? — удав вывернул всклокоченную голову на Егора, которого дежурная вывела в свет софитов.

— Пожарная служба, — моментально отозвался Егор. Электрикам, пожарным и сантехникам, у которых на лбу светится слово «штраф», в любом учреждении открыты все двери.

Но только не в театре.

— Да пусть хоть все горит синим пламенем, — вскинул режиссер вверх руки, отмахнув от себя хозяйственные проблемы. Тут же забыв о постороннем, впился взглядом в кроликов: — Мне важно, чтобы на сцене температура была выше нормальной человеческой в 36,6. Только тогда мы заставим зрителя сопереживать и вовлечем его в свою историю. Холодные не потеют. А потому вы должны постоянно что-то делать на глазах у публики. Если на сцене полторы минуты ничего не происходит, разбейте хотя бы стакан!

Он дернул скатерть со столика, на котором стояла ваза с цветами. Бутафорские розы полетели в одну сторону, хрустальный сосуд, сверкая в лучах софитов, в другую. Егору хватило расстояния, чтобы поймать его за тонкую талию и замереть, как с гранатой, перед режиссером, перевоплотившегося из удава в лязгающего зубами-траками танк.

— Я-ска-зал-раз-бить, — начал надвигаться он на Егора. Тот двадцать девятым панфиловцем врос намертво в свой окоп, и хозяин сцены замер над его бруствером. Изучил героя-смертника, повел прицелами по подопечным:

— А вот это как раз то, что я требую от вас. Если один персонаж сказал «да», то второй должен ответить «нет». «Да-да» — это не драматургия, это поддавки. А вот он, случайный пожарный, — мистер «нет», — ткнул пальцем в сторону Егора. — Поэтому все, кроме него, свободны.

Труппу словно вымело сквозняком, и режиссер развернулся к новичку:

— Я понял, откуда и от кого ты. И это очень плачевно, — вырвал вазу у Егора, восстановил ее на столике. — Если уж назвался пожарным, то играй его до конца, даже если тебе люстра будет падать на голову. Двойка.

— Я бомж, — дал подсказку Егор будущей профессии.

— Тогда ночью читаешь Горького «На дне», а утром часов в 12 ко мне.

— Приказывать будешь своей теще, — усмехнулся Егор. Не глядя, швырнул через плечо многогранную вазу. На этот раз ловить ее оказалось некому, и спасло посудину лишь то, что на пути оказалась бордовая бархатная кулиса, в складках которой удар и погас. А может, он как раз в нее и направлялся. — Когда захочу, тогда и явлюсь. И не криви губу, — засунув руки в карманы, Егор пошел к выходу.

Онемевший режиссер проводил его взглядом, но потом расплылся в улыбке и боксером стукнул кулаком себя в ладонь — будет толк с «пожарника»!

Толку от трехдневных артистических занятий мало оказалось на Ба-лашихинской свалке. Ее приближение Егор почувствовал вначале по запаху едкой гари и вони разлагающихся продуктов, потом по собачьему лаю. С ее приближением все гуще, жирнее становилось и небо, переполненное воронами и голубями. Водители подъезжавших грузовиков не утруждали себя выбором места выгрузки, опорожнялись под колеса там, где удавалось приткнуться. Не боясь оказаться засыпанными, опережая птиц и бульдозеры, пробивавшие среди мусора улицы и переулки для проезда, налетали на добычу «синяки». Золушками сортировали «гуманитарку», раскладывая ее по потребностям — в еде, мебели, одежде. Получив искомого, тащили добычу в расположенный вокруг лес, к виднеющимся сквозь листву крышам бытовок, шалашей, самодельных щитовых хибар. На Егора не обращали внимания ровно настолько, насколько он не посягал на их долю.

Однако быть бесхозным такой лакомый пирог не мог, и к Егору через два-три грузовика подошли контролеры. Уловив тяжелые шаги за спиной, он наклонился к надорванной упаковке нарезного сыра, обтер белый налет плесени о свитер и, преодолевая отвращение, затолкал в рот ломтик. Обернувшись с набитым ртом, дружелюбно кивнул громиле, остановившемуся рядом. Одет тот был более-менее опрятно, но выражение лица убеждало, что слово «корова» он если и напишет, то через твердый знак. Рядом в ожидании команды вцепиться в чужака стояла не менее огромная овчарка, демонстрируя, что и породы благородных собачьих кровей прекрасно могут бомжевать. За ними по-боксерски разминал шею спортивного кроя мужичок, готовый раньше собаки вломить люлей любому, кто посмеет встать поперек пути их троичке.

Егор разделил добычу пополам и бросил выделенную долю собаке. Та пренебрежительно тронула влажным носом запах, непонятно как выделяя среди атомной вони вкус сыра. Трогать подачку не стала, но хвост опустила. Этих секунд Егору хватило, чтобы отыскать взглядом тех, кто выслал разведку. Вдали под тенью липы сидела, уложив ноги в красных кроссовках на журнальный столик, девица в джинсах. При наличии огромного количества мужчин, пусть и опустившихся до помойки, она априори не могла взять над всеми верховодство, значит, являлась подружкой смотрящего.

Егор подобострастно поклонился в ее сторону, затем вернул внимание Громиле. Тот цыркнул меж зубов слюной, выказывая полнейшее пренебрежение любым прежним возможным заслугам новичка: здесь все с нуля. И на это Егор тоже с пониманием закивал, показал сыр — мне бы только пожрать! И зря он грешил на театр: мастер-классы даром не прошли, давимся, но жрем гнилую плесень и играем...

— Кто кинет зуб за тебя? — потребовал рекомендацию Боксер, демонстрируя хук слева. Пока только разминочный.

Глупость просьбы понял даже Громила. Цыркнул в сторону Боксера — выдать, все же частенько стучали тебя по голове на ринге. Какие рекомендации на свалке? Раисы Горбачевой или самого Ельцина? Великодушно разрешил остаться:

— Только не балуй тут, — не усмотрев в новичке угрозы для дальнейшей безмятежной жизни артели и даже не спросив имя, вальяжно отправился к комендантше. А имя — оно ни к чему здесь, кличку дадут.

Выдержав смотрины, Егор потрусил за очередным самосвалом, до поры до времени укрываясь за его красным раздутым брюхом. Но и на

новую горю не бросился, подбирая крошки с краю, признавая главенство первой ложки за старожилками. Лишь среди полутора десятка бомжей выделил троих, хоть как-то подходящих ему по росту и возрасту. Наступая на полусгнившие помидоры, приступочками начал перемещаться на их край.

Похоже, кроме девицы в джинсах он и впрямь никого здесь не интересовал. Мусор сортировался «синяками» тщательно, скарбом, видимо, запаслись уже основательно и на любую щепу и конфетную обертку не бросались. Поживившись эксклюзивным, тащили добычу в свои норки. Архитекторы с их генеральными планами застройки городов могли бы писать здесь докторские диссертации по рациональному использованию жизненного пространства.

Егор осколком бутылочного стекла отчекрыжил от изодранного дивана спинку, более-менее пригодную для ночлега, потащил ее вслед за приглянувшимися мужичками в лес. Те несколько раз оглянулись на новичка, пожалели-смилоствовались:

— Иди в Васькину конуру. Все равно помирает.

Кивнули на пристройку из поддонов между двумя соснами. Будь хибара дворцом, к ней бы наверняка стояла очередь из желающих улучшить жилищные условия. Да и то не факт, ленивым лето легко пережить и под сосновыми иголками. Это с наступлением холодов люд потянется на теплотрассы, в коллекторы, на опустевшие дачи и в подъезды.

Егор на горбу потащил огрызок дивана к указанному дому. Приподнял выцветшее, словно старушка, одеяльце, служившее дверью. И словно споткнулся о полный обреченности взгляд и выдавшийся вперед щетинистый подбородок хозяина. Старик лежал на комковатом, в рыжих подпалинах матрасе, дрожащими руками подтягивая к подбородку женский полушалок без воротника. Появление человека, пусть и незнакомого, вселило в его взгляд надежду. Но она же и отобрала последние физические силы, собранные стариком для борьбы за жизнь. Он обмяк, выровнялся под полушалком, прикрыл глаза.

— Помер, что ль? Вот ё-моё, — послышалось сзади.

Вошедшим оказался один из троицы, приглянувшейся Егору. Прошел к лежанке. Выгнал из стакана, стоявшего на табуретке у изголовья, муху, плеснул в него из принесенной чекушки. Поднес к полукрытым губам хозяина. Грустно обернулся на Егора: раз не пьет, то точно помер, живой бы не отказался. Поминая друга, опрокинул водку в себя. Тратить живительную влагу только за упокой посчитал расточительством, протянул руку для знакомства:

— За знакомство. Алексей. Новгородец. Фамилия такая. А в Новгороде ни разу не был.

— А что с ним? — поинтересовался Егор усопшим, оценивая, тем не менее, собеседника. Умерший Вася больше подходил ему по внешности, но Егору желателен был живой двойник, чтобы выудить из него как можно полнее биографию, по которой придется жить.

— Экскаватор засыпал, ё-моё.

— А в больницу?

Новгородец с усмешкой посмотрел на новичка: ничего-то ты не знаешь об этой жизни. Кого в больницу? Нас нет. Мы — летучие голландцы, давно вычеркнутые даже из самых точных земных анналов — списков избирателей.

— А вот труповозка приедет. С радостью. Им платят за захоронения,

чтоб по-человечески, ё-моё. Только они, сволочи, ссыпают за кладбищенской оградой всех в общую яму, а место потом еще продают. Знаем. Помяни, — протянул стакан Егору.

Сам поправил умершему полушалок, дав возможность Егору незаметно выплеснуть непонятную жидкость в угол. Вышли на улицу вдвоем. На свету Егор более внимательно примерил нового знакомого на себя. Возраст где-то один, комплекцией похудее. Лысоват. Но похудеть и побрить голову не проблема. Но вот шрам над левой бровью — слишком явная примета. Так что требовались новые знакомые...

Через неделю Егора, скорее всего по запаху, признали за своего собаки, а потом и «летучие голландцы». Он мог теперь позволить себе первым подойти к грузовику со скарбом и, не обращая внимания на красные кроссовки на журнальном столике, рыскать по свалке молодым козлом в поисках провианта. Оговоренный с «кап-разом» КАМАЗ с флажком на кабине приезжал по вторникам и пятницам ровно в 15 часов, и вкусоности, по наклеенным Черемухиным этикеткам якобы просроченные на неделю-полторы, в рваном пакете выкидывались водителем ногой из кабины. Содержимым Егор честно делился с новым другом, и прикормленный «ё-моё», развалясь в кресле рядом с освободившейся квартирой, охотно рассказывал о своей жизни благодарному слушателю.

— Как уехал из Томска, так и все. Только на похороны мамани с батей и съездил. Ваську Шуляка звал поработать со мной в «Луже» — ну, в Лужниках, нужен был челнок в Турцию за дубленками мотаться, — так отказался.

— А чего здесь оказался?

— А с «Лужи» многие сюда гремят. Где-то не рассчитался, где-то лоханулся, где-то подставили. Там сурово, ё-моё. Из князи в грязи в один миг.

— Там что? — кивнул Егор на адъютантов при кроссовках. — Может, мне надо прописаться? — подвинул ногой очередной пакет Черемухина.

— Может, и надо. Везде свои начальники, даже тут. Я обошелся.

— Вроде надо бы, ё-моё, — почесал затылок Егор. Боксерчик нужен был как воздух, чтобы не гнить здесь месяцами. Да никто и не даст столько времени бродяжничать.

Новгородец же, услышав свое слово-паразит в устах другого, напрягся: нет ли в этом насмешки? Но в итоге расплылся в улыбке: ему уже подражают! Благословил:

— Сходи. Только от бабы держись подальше. Федя лично подрежет.

— Для меня слишком худая, — отмел подозрения Егор. Хотя, будь атаманша полной, сказал бы противоположное.

— О, — оживился Новгородец. — Когда Чехов ехал на Сахалин через наш Томск, про наших баб написал одну фразу, за которую его не любят в городе до сих пор: «А бабы в Томске жесткие на ощупь».

Тем не менее, чему-то улыбнулся из мелькнувшего воспоминания от прошлой жизни. Скорее всего, ошибке Антона Павловича.

Егор пригладил практически выбритый перед походом на свалку чуб, почистил валявшейся тряпичной туфли, расправил свитер. Пересмотрел продукты в пакете. Милая «девятка». Девятая статья расходов на содержание агентов или поддержание связи с ними.

Увидев подходившего новичка, девица закурила, стала высматривать гостя сквозь дым, стригущими воздух носками кроссовок выдавая интерес.

— С уважением, так сказать, — Егор протянул пакет.

Громила, цыркнув слюной, только намерился сделать движение, а Боксер уже заглянул внутрь. Удовлетворенно кивнув, поставил пакет у ног начальницы. Та сдержала любопытство, содержимым не поинтересовалась, но махнула пальчиками охране, отправляя подальше. Команду выполнили, но не ретиво и не окончательно, отошли лишь на несколько шагов. Может, это и не охрана вовсе, а конвой?

— Откуда ты, такой красавчик, — полупшепотом, не для чужих ушей, поинтересовалась хозяйка.

— Из «Лужи». Кинули с товаром, расквитаться пришлось квартирой, — близко к судьбе Новгородца поведаль Егор.

Скорее всего, ситуация оказалась типичной для большинства обитателей свалки, потому что не произвела впечатления. А вот самой комендантше произвести впечатление хотелось. И губки пухлые зазывно пожевала, и плечами повела, высвобождая из-под джинсовой куртки футболку с двумя бугорками. Это было лишнее, и даже не потому, что заветренное, прокуренное лицо девицы с толстыми, грубо начертанными карандашом стрелками на глазах не вызывало эмоций, — лишнее внимание не входило в планы Егора. Ему бы с Боксером потереться, за жизнь поговорить...

— А ты мне нравишься, — продолжала шептать обладательница ножиц-кроссовок. — Меня Тома зовут.

— Вот, принес, — во второй раз пропел свой куплет для охранников-конвоиров Егор. Опять же в первую очередь для них предложил свои услуги: — Если что... куда... я с пониманием и согласием...

— Я как-нибудь загляну к тебе на новоселье, — не увела свое соло в общий хор Тамара. И лишь после этого поблагодарила для вытянувшихся ушей конвоиров: — Спасибо за гостинцы. Я скажу Феде, что приходил.

Стараясь не отвечать на слишком прямой и откровенный девичий взгляд, Егор начал пятиться. Освобождающееся расстояние тут же выбрали охранники. Распорядились подарком, высыпав к кроссовкам содержимое пакета. Оценили, попробовали на запах. Здесь важно было не переборщить с экслюзивом, но на этот случай Оля по-женски крупно написала на якобы случайно затерявшемся, промасленном листочке: «Милый, водитель привез свежие продукты, это на утилизацию». Ребята молодцы: и оправдали Егора с находкой — просто повезло, и не оскорбили «голландцев» как бы отбросами. Скорее всего, Сергей Сергеевич рулит, так тонко пройти с учетом всех нюансов жития на свалке даже Крокодил вряд ли бы смог...

— Ну и ладно, — поддержал Новгородец, издали наблюдавший за походом Егора на царскую половину. — У них своя свадьба, у нас своя.

Однако своей свадьбы не получилось. Перед сном в хибаре Егора отбросилась дерюга, зукон справа-слева Боксер расчистил перед собой безмолвное пространство и кивком головы с традиционно приплюснутыми ушами показал: на выход.

У ближайшей сонсы попугаем безостановочно щелкал семечки плюгавенький мужичок. «Федя», — не стоило большого труда определить Егору и он поспешил поклониться: я — ничего, я — червь, я ни на что не смею претендовать. Шелуха, как черно-белые кадры кинохроники, непрерывно мелькали между ним и хозяином свалки. Хозяина условного, смотрящего за местными бомжами, потому что настоящий владелец золотого мусора сидел в каком-нибудь высоком кабинете. Но Егор продолжал избоб-

ражать образ: «Я ничто, я ноль, я само существование в могилу». Все же конвой, конвой, а не охрана состоит при кроссовочках! А девочке захотелось свежатинки, разнообразия. И не важно, Егор это оказался под руку или кто-то бы другой. Просто новенький — для интереса. Нельзя, дурочка, нельзя. Засыпят экскаватором, и труповозка не понадобится. Причем обоих!

Федя не считал нужным о чем-то спрашивать или предупреждать. За медлившиеся было кадры вновь земелькали, мужичок развернулся, его спину тут же прикрыли двойным бронезиловым Громила и Боксер. Проблемой оставалось, кто прикроет теперь Егора.

А об этом, судя по всему, требовалось думать. «Ё-мое», до этого момента ежевечерне изливавший новичку душу, вдруг прекратил гостевать, переключившись на очередного бедолагу — толстенького, не снимающего вязаной шапочки даже при солнце, бомжа. Ходил новичок по свалке бирюком, на весь свет обиженным, потому первым его признали собаки, а не люди.

Исчез столик-постамент для кроссовок. Тамара скользнула пару раз в отдалении, и, как показалось Егору, с хорошим синяком под глазами: Федин кулак оказался для макияжа не таким тонким, как карандаш для ресниц. Зато из поля зрения не исчезали телохранители, заставив Егора прикрывать на ночь вход в каморку шкафом. Преграда никакая, но и требовалось-то просто проснуться раньше, чем обещанный Новгородцем нож коснется горла. А дальше уж дело за двумя арматуринами, уложенными рядом с постелью. Ночи превратились в ожидание развязки, и однажды Егор уловил-таки треск сучьев, которые он раскладывал перед жилищем. Перетек за спинку дивана, прикрывавшего лаз из хибары. Как ни была густой темнота, но определил, что мелькнувшая тень принадлежала толстяку в вязаной шапочке. Просто шляется или сторожит? Опаснее Боксер, этот мастер спорта всех чертей. Значит, ситуация выходит из-под контроля, а в разведке главное, чтобы противник догонял, а не ждал за углом. Идти на выяснение отношений самому?

Следующий день сам расставил все по местам. Едва Егор приблизился к сгребавшему мусор экскаватору, за спиной демонстративно выросли Громила и Боксер. Значит, ему уготована участь Василия. Но того вытащили из-под ковша, здесь же еще и утрамбуют. Внизу котлована мелькает шапочка толстяка, из-за деревьев ждут зрелищ «голландцы». Плохо ты учился на театральных подмостках, товарищ майор. Или мало. Не стал своим. Но как стать, если вмешивается женский фактор! Это — непредсказуемо, вне логики и прогнозов.

Егор машинально рассуждал, а сам рыскал взглядом по свалке. Несколько раз оглянулся, не давая телохранителям приближаться совсем уж внаглую. Убегать поздно, да уже и не получится. «Голландцы» смотрят не ради интереса, а перекрывают пути возможного отхода. Сбоку экскаватор ревет, роет отполированные копытом земли. На самой гряде покачивается в кресле-качалке Федя, запустив нескончаемую черно-белую киноленту. На этот раз окончание у нее будет, потому что попугай демонстративно не прячет пистолет. Пуля догонит, она такая, ей без разбору, лететь среди ресторанного блюза или вороньего краканья свалки. Обложили. Житие в Журиничах при всех перипетиях дало глоток свежего воздуха, но и расслабило, истончило боевую настороженность. А зря. Война, оказывается, идет по всей стране, и нет разницы, деревня это в глухом брянском лесу или свалка около столицы.

Выхода иного, кроме как захватывать экскаватор и им таранить препятствия, не просматривалось. Только не намотать бы при этом себя на гусеницы. Значит, прыжок в кабину должен быть с возвышенности. Или сзади. Но там Громила и Боксер! Как же громко, оказывается, кричат птицы!

Стараясь не делать резких движений, Егор начал перемещаться по краю котлована. Однако экскаваторщик не дал себя обмануть, повернул трактор, прикрывая кабину ковшом. Все так, против лома нет приема. КАМАЗ с флажком приедет только завтра. А телохранители, плюнув на условности, идут скорым шагом, насколько им позволяет это делать мусор под ногами. Руки в карманах — чистая шпана с финками. Чем ответить? Рядом блестит на солнышке разбитый унитаз, вокруг рассыпью плитка — кто-то затеял ремонт туалета. И ванной тоже, потому что вниз по откосу съехало под собственным весом чугунное корыто, оставив после себя лишь кусок трубы. Экскаватор задымил, готовясь к прыжку, Федя вытянул руку, телохранители перешли на бег. Вдалеке, боясь опоздать, мчалась к месту схватки прогуливающая начало разборок овчарка. Готовности номер один нет, есть готовность ноль!

Первым с финкой на линию атаки выскочил Боксер с прижатыми, как у рыси, ушами. Труба, поддетая ногой Егора, вылетела ему навстречу, но это ли препятствие для профессионала — увернулся от лопасти чугунной мельницы легко. Только никогда чистый боксер не выходил победителем против бойца смешанных единоборств: однотипность убога, а потому обречена не быть первой. В данном случае и Егор подхватил и выставил навстречу устремленному в него кулаку с зажатым ножом дырявый унитаз. Боксер не смог задержать удар и взвыл, пробив руку в рваные края керамики. Егор, словно руль на крутом повороте, вывернул унитаз с застрявшей в нем рукой нападавшего, толкнул нелепое сооружение в яму. Птицы шарахнулись ввысь от болевого крика, а Егор уже встречал несущегося тараном Громилу. Единственное, что успевал — это рыбкой нырнуть в ноги нападавшему. Тот, увлекаемый своей массой, споткнулся о препятствие и полетел вслед за напарником в котлован. Зато взревел черным дымом экскаватор. Выставив отполированный клык стального ковша, опережая пулю-дуру и овчарку-бомжа, он с рывка прыгнул на обреченного чужака.

За секунду до удара Егор покатился вниз сам. К спасительной ванне, присмотренному чугунному гробику, единственно способному укрыть от наваливающегося мусора. Или замуровать. Однако иного пути к спасению не было, и Егор, перевернув на себя чугунку, замер под ударами и грохотом сыплющегося на покрытие мусора.

Когда все затихло, он осторожно, стараясь не пораниться, улегся в глухой темноте на спину. Выждав еще какое-то время, уперся ногами в верх ванны и попытался приподнять ее. Даже не шелохнулось. Зато в позночник впился острым краем камень, и пришлось поелозить, выгребая его оттуда. Ощупал края гроба-убежища. Зацепил банку из-под кофе. Смял ее, высвободив пару десятков кубических миллиметров пространства. Полез на ощупь дальше, за чугунную границу. Букетик пластмассовых цветов, которые кладут на могилки. Символично, а главное, вовремя! Судя по конфигурации цветка, это ромашка. Погадать, отдав судьбу случайностям? Или двигаться, хотя и по миллиметру, но дальше? Пальцы уже нащупали шелковистую ткань. Женская ночная сорочка? Вот чему здесь точно не место, то ей. Как там Вера?

От отчаяния надломил пальцами поповскую дощечку. И зря: она держала на себе осколок бутылки, и резкая боль от пореза обожгла руку. Успокоиться. КАМАЗ приедет ровно через сутки. «Кап-раз», конечно, вытрясет душу из каждого «голландца», но это будет, скорее всего, уже поздно: воздуха не хватит. Лишь бы Вера не подумала, что он просто сбежал.

Глава 5

Егор умирал медленно. Сознание то исчезало, растворяясь в зловонии, которое, тем не менее, считалось воздухом и поддерживало жизнь, то протискивалось к нему вновь, заставляя открывать глаза. Усилия оказывались напрасными, могильная темнота никуда не исчезала. В голове туманилось от нехватки кислорода, время потерялось, но едва Егор начинал осознавать, что пока еще жив, принимался ощупывать сбитыми, ноющими пальцами края ванны. Мусор — он не однороден, это не асфальт. Воздух найдет лазейки в нагромождении из сломанной мебели, ящиков и строительного мусора. Потому надо продолжать рыть норки, канавки вокруг ванны, чтобы та не стояла плотно. Пока, правда, не зная, выпускает остатки скопившегося внутри воздуха или дает проникать новому.

Верилось во второе, но истина оказалось на третьей позиции: когда подкоп оказался слишком большим, ванна вдруг просела в него под тяжестью груза. В образовавшуюся щель с другой, наклонившейся стороны просыпалась новая порция картофельных очисток, обглоданных косточек, жидкого месива протухшего творога. От голода не умрешь, но мусор сужал и без того мизерное пространство под корытом. Зашуршала фольга. Просто распрямляется или все же крысы? Вот для кого помочная жизнь — королевское блаженство. А подкопы делать нельзя. Только шурфы. Но сколько же стекла, оказывается, в нашей жизни, если в каждый палец впивается по два-три сразу! Но один из бутылочных осколков с горлышком Егор подтащил и положил рядом с собой на случай, если придет время отбиваться от крыс. Понимая ничтожность победы в предстоящей схватке, помечтал умереть раньше, чем они начнут вгрызаться в тело...

Это желание стало последним. Окончательно сознание ушло незаметно, не мучая и не отягощая. А наградой за все мытарства в этой жизни стало то, что попал сразу в рай. Небо оказалось в нем звездным, а кусочек тучки, словно чуб, слегка перекрывал высокий лоб полной луны. Ее заслонило не менее круглое бородатое лицо с вязаной шапочкой, губы что-то прошептали, и это насторожило Егора. Он попробовал отмахнуться от наваждения, но вместо того, чтобы исчезнуть, бомж-толстяк приподнял его голову, уложил себе на колено. Да же, да! Нет! В раю не может быть столько мусора. Он по-прежнему на свалке! То есть на земле! И голос бомжа уже прорывается сквозь ватное опустошение:

— Живой! Ну, вот и ладно, хорошо. Отойдешь.

Вдвоем, как сиамские близнецы, огляделись по сторонам. Свалка жила своей жизнью. По искореженному меду, сделавшему ломаным горизонт, мельтешила приседающая на лапы крыса — возможно, освобожденная вместе с Егором. Перебрехивались вдали собаки. Но более всего заставила поверить в жизнь никуда не исчезающая вонь.

— Я от Николая Семеновича, — прошептал на ухо бомж, не доверяя секрет даже крысе.

«Кап-раз!» Почему он не вспомнил о нем? Крокодил не мог оставить

его без прикрытия, и не потому, что слишком ценный кадр готовился к внедрению в банду. Просто он — командир!

Егор обмяк. Прикрыл веки, хотя в крошечной тьме свалки мечтал именно о небе над головой.

— Ну, вот и ладно, хорошо, — бормотал про свое бомж, возвращая Егора в реальность и дуя на свои разбитые в кровь пальцы, которыми пришлось раскидать несколько ковшов мусора. — Передохнем и домой.

Занемевшие ноги не хотели идти, надламывались в коленях, но это ли не счастье — ковлять под луной! Кот Базилио и лиса Алиса, ищущие в ночном мусорном поле не пять золотых, а печатный станок для фальши. Или хотя бы подступы к нему.

Дверь в «кукушке» — КК, конспиративной квартире, оказавшейся неподалеку от вокзала, открыл сухонький хроменький старичок. Кивнув толстяку, без слов впустил гостей в квартиру, сам оделся и исчез в темноте подъезда. Закон жанра: хозяину конспиративной квартиры годами платится небольшая зарплата, чтобы однажды он мог открыть дверь неизвестным людям и исчезнуть на пару-тройку часов.

Залезая в ванную отмываться, Егор вспомнил о своей спасительнице. Погладил эмалированные, хотя и в сколах, бока. Толстяк Вова занес и положил на стиральную машину комплект слежавшейся одежды — возможно, тоже ждавшей годами своего назначения. Брюки и рубашка оказались великоваты, но Егор с наслаждением облачился в чистое. Его одежда вместе с одеянием спасителя уже лежали упакованными в мешок на выброс. Самое смешное окажется, если на свалке она попадет в руки «Ё-моё». И что там с Тамарой? Боксер и Громила успели, по словам Васи, выбраться из котлована, но будет ли до конца теперь доверять им Федя?

Егор встряхнулся — не хватало еще голове болеть за них. Свалку нужно забывать как нелепый сон.

Не получилось. Уже на новой квартире рядом с Садовым кольцом — со вкусом обставленной, с прекрасным гардеробом одежды на любой вкус, Сергей Сергеевич и «кап-раз» выпытывали у него о томском любителе жестких женщин так, будто Егор являлся его близнецом и должен был знать всю биографию. И только через три дня, которые Егор просто отсыпался и смотрел телевизор, он оценил настырность начальства и возможности сотрудников новой структуры. В переданной ему барсетке казался паспорт с его фотографией на имя Алексея Викторовича Новгородца, по дате выданный семь лет назад. В нем стодавший штамп томской прописки и трехлетней давности — по московскому адресу, в котором он на данный момент находился. Истрепанное свидетельство о рождении с томскими печатями! Документы и ключи на машину, которая «стояла» под окном уже якобы два с половиной года. Билеты в Томск — на завтра. Ясное дело, привязаться к местности. Фотографии и адреса дома, где жил Новгородец, могилы родителей, школы, выпускного класса, здания и коридоров архитектурно-строительного института, с третьего курса которого «Ё-моё» уехал бомбить в столицу.

— Это его легенда, — поправил Сергей Сергеевич. — Обыкновенный фарцовщик — перепродажа джинсов, магнитофонов, электронных часов, скупка чеков у магазина «Березка». При Андропове взяли за зад и отчислили. Тогда и подался в Москву. Расцвел при перестройке. Так что все это, — Сергей Сергеевич оглядел квартиру, — нажито тобой, Алексей Викторович, непосильным трудом за десять лет.

— Паспорт не пойдет, — вернул документ Егор. — У меня над левой

бровью, ё-моё, достаточно заметный шрам. В студенческом отряде на Оби при лесосплаве с местными подрался.

Сергей Сергеевич удовлетворенно кивнул, принял паспорт в потертой кожаной обложке с гербом СССР. Подвинул телефон. Подглядывая в записную книжку, набрал номер:

— Максимыч? Да, я. Как всегда с просьбой. У меня товарищ хочет придать себе мужественный вид. Надо бы шрамик ему организовать над левой бровью. Можно со скобами, — повернулся к Егору: одобряешь? — Или просто зашить нитками. Товарищ кивает, что ему все равно. Лишь бы на века. Нет-нет, именно сегодня.

«Что еще»? — всеильным стариком Хоттабычем посмотрел на Вольку-Егора-Алексея.

«По ходу пьесы», — пожал плечами Алексей за оставшегося на обочине жизни Егора и исчезнувшего на библиотечных полках Вольку.

Шрам над бровью сделали быстро — дольше вспоминал его конфигурацию и рисовал на собственном снимке. С залепленной пластырем раной слетал в Томск, восхитился множеству деревянных, в завитушках, домов. Издали поглядел на «своего» классного руководителя, выбиравшую в продуктовом магазинчике шуплую картошку, потолкался во дворе «родного» дома, положил цветы на могилы родителей Новгородца. Хотел вырвать траву внутри покосившейся оградки, но лишь протер каменные портреты на плитах, извиняясь и обещая, что постарается не посрамить взятую фамилию. А трогать в биографии Новгородца ничего нельзя, все должно оставаться таким, как сложилось. Не только жена Цезаря должна оставаться вне подозрений, внедренец по сравнению с ней вообще ария из оперы на конкурсе частушечников. Не забыл и одноклассников, прозондировал возможность устроиться начальником охраны в строительную фирму Василия Шуляка, понаблюдав за школьным другом, раздававшим эпитеты водителям снующих грузовиков.

В московской квартире за время отсутствия значительно пополнился оперативный гардеробчик более изысканными костюмами, ковбойского вида куртками. Холодильник и бар полны. Сколько времени отпущено до следующего шага? Есть ли в нем хотя бы час домчаться до Журиничей? Только ведь чертова присказка про жену Цезаря, ставшая едва ли не девизом контрразведки, распространяется даже и на это...

Переоделся в спортивный костюм, посмотрел схему-сведения по соседям из подъезда, представленной ДЭЗом. Позвонил пожилой супружеской паре слева.

— Добрый день, извините, — поклонился поддерживающим друг дружку стареньким человечкам. Поторопился успокоить: — Я сосед ваш, жил эти три года у супруги, да вот пришлось расстаться, переехал окончательно. Меня зовут Алексей. Если что, звоните, обращайтесь, я готов помогать.

Опять поклонился: для первого знакомства достаточно, все делается плавно.

Но плавности не получилось. Не успел Егор поджарить ломтики колбасы под яичницу, его потребовал к себе звонок в дверь. Там, впихнув его животом обратно в квартиру, квадратенькая молодая бабуля заполонила собой остаток коридора:

— Я приглядываю за ними, — кивнула на стенку с соседями, которые наверняка поделались со зрительницей новостью о новом жильце. Поправила нимб из скрученной косынки. — А ваши документы можно?

— А ваши? — улыбулся Егор.

— Я не продалась, я как была, так и осталась коммунисткой, — взвилась гостья, словно ее попросили отчитаться за партбилет. — Меня и похоронить можете стоя, я не сломлюсь!

Сколько хватило шеи, оглядела закутки. Убедившись, что попала не к пролетариату, потянула носом запахи с кухни. Осталась недовольна и ими:

— При коммунистах сало пластами выбрасывали — во как жили! А сейчас выдаете медное кольцо за золотое — и довольны, что людей облапошили! Но со мной ничего не пройдет! — пригрозила она и исчезла.

Егор пожал плечами, поулыбался. А хорошие у него соседи. И кого не надо — отошлют, и кому требуется — всю подноготную выложат. Надо лишь не взбалтывать их устоявшуюся жизнь.

Шрам еще до конца не зарубцевался, еще младенчески розовел, а Сергей Сергеевич выложил при очередном посещении новый билет, словно у него имелась собственная железнодорожная касса.

Брест.

Память среагировала мгновенно. И пьяный Ельцин, и легкий снежок в Вискулях, и Евгения Андреевна Патейчук в шапке... Калейдоскоп лиц и событий, на первый взгляд, бессвязных, но объединенных одним местом и временем, завертелся, словно в подзорной трубе. Плюнь тогда Егор на субординацию и указания Крокодила, прояви инициативу и утопи хотя бы в той же бане машинку, на которой печатали соглашение о распаде СССР, жили бы сейчас в другой стране. Геростраты сами не останавливаются, их надо отправлять в нокаут. Вот тебе и роль личности в истории.

Хотя, конечно, ничего одному там было не сделать. И новую машинку нашли бы, и хоть сожги он Вискули — переехали бы в другое помещение. И как мы все умны задним числом! Да и разве понимался смысл и масштаб свершаемого в Беловежской Пуще ему, обыкновенному телохранителю? Все должно было решаться в Москве...

— Ниточки одного из каналов обмена фальши ведут в Брест, — Сергей Сергеевич выложил из портфеля пять пачек с долларами. Три по сто банкнот, остальные номиналом по пятьдесят, двадцать и десять. Это разумно, что не одной партией. Надо полагать, и настоящие, хотя гость, построив из пачек ворота буквой «П», пренебрежительно мизинцем разрушил американский финансовый дворец. Было бы так по жизни... — Стандартный обмен — один к двум. В Бресте затоваривайся чем-нибудь самым ходовым польским, разменивай и скупай доллары через менял и жди, когда на тебя выйдут. Неделю, две, месяц, но они это должны сделать. Будешь, естественно, на контроле, — впервые проявил сердобольность по случившемуся на свалке и хлопнул ладонью по руке новоявленного менялы: держись!

...Москва провожала Егора попрошайками и беспризорниками, нюхавшими в подземных переходах какую-то гадость из пакетов. У наспех сколоченного, переделанного из общественного привокзального туалета обменника роились менялы, перехватывая возможных покупателей. Если бы они знали содержимое дорожной сумки фраерка с короткой стрижкой, который размахивал ею над щербатым асфальтом, они бы следовали за ним шлейфом. Собственно, потому нельзя носить дорогие вещи на плече или подмышкой, делая для вора цель устойчивой. Вы попробуйте приноровиться остро отточенной монеткой, вспарывающей сумочки, к ней, вертящейся у самой земли. Так-то, ребятки! Хотя ему ли, в свое время по

двенадцать часов в сутки штудировавшему языки потенциального противника, прошедшему «и Крым и Рым», заниматься шулерами в московских подворотнях? Когда гвардию бросают на второстепенные направления, конечной победы никогда не добиться.

Потренироваться в обмене денег на родненьких, московско-кавказских ребятах, зная, что каждая десятая купюра в России фальшивая, было интересно, но провоцировать любителей грабануть очередного лоха в планы не входило. Дойти до цели людям чаще всего не позволяют именно соблазны и самоуверенность. Дольше всего живут серые мышки...

У вагона резко обернулся, попробовав определить серых мышек, обязанных по всем законам оперативного искусства прикрывать и сопроводить его до посадки. Не успел отвести взгляд парень в кепке, куривший у мусорки. Извини, брат, но лучше проколоться при тренировке на своем клиенте. А вообще-то он надеялся, что где-то у ларька пьют кофе Черемухин и Оля.

И ведь пили! Приподняли пластмассовые стаканчики, пожелав счастливой дороги. Спасибо, друзья. До встречи, ё-моё.

В купе выбрал полку по ходу поезда. Шустрый проводнищечка, у которого на фирменном кителе еще не все торчавшие нитки были обрезаны, попытался указать на обозначенное место, но Егор вытащил и второй билет:

— Этот подойдет? Я могу себе позволить, Богдан, отдохнуть от суеты в одиночестве?

Проводник в недоумении застыл при упоминании его имени, но через мгновение просиял от догадки, тронул именной бейджик на кителе и учтиво закивал, рассыпаясь в предложениях куда-нибудь сбежать и что-нибудь принести. Делая его сообщником, Егор шепотом поинтересовался хорошим куском прожаренного мяса из вагона-ресторана и самым лучшим кофе.

— Под коньячок, — вытащил из сумки маленькую, на одну стопку, сувенирную бутылочку. Приложил палец к губам: никому не говорим.

— Будет, — в предвкушении чаевых закивал Богдан и вытянулся: до Бреста вы мой господин, остальные пассажиры лишь досадное, второстепенное недоразумение.

За первыми хлопотами прокатили Вязьму, за Смоленском Богдан, получив честно заработанное, обещал подумать, где в Бресте самый лучший курс валют. И лишь закрывшись на ночь, Егор достал из-под подушки сумку.

Опустив штору и оставив лишь боковой свет, достал первую пачку долларов, распаковал ее, принялся тереть, сгибать купюры вдоль и поперек, сворачивать их в трубочки, где-то делать пометки карандашом, садиться на стопку и даже елозить по ней. Открыв бутылочку, побрызгал на скомканные бумажки чайным настоем коньячного цвета. В «Луже» непосильным трудом заработаны, через десятка и сотни рук прошли. В конце, освободив от подушки наволочку, высыпал деньги в нее, утрамбовал и снова принялся мять, как мама когда-то месила тесто для пельменей, булочек, вареников. Есть ли что кушать ребятам в Журиничах? Передать бы им одну такую подушечку, хватило бы до конца XX века. А он сам при возвращении в Москву поставит условие — день отпуска. Оксанке как раз в начале августа на операцию...

К середине ночи, в сотый раз перетасовав очередность банкнот по номерам, перевязал взлохмаченные стопки нарезанными от велосипедной

камеры резиночками. Завернул в целлофановые пакеты. Да, лох. Из грязи в князи. Как говорится, девушке из деревни можно выехать, а деревни из нее — нет. Зато теперь можно спать.

Кроме Беловежской пущи город, конечно же, всегда был на слуху по его Брестской крепости. Указатели уводили к ней по мосту через железную дорогу, и в другое время Егор бы пошел сначала туда. Но это именно в другой ситуации. Проводник охотно оставил номер домашнего телефона, а Егор, как ни исхитрялся, но идущее по его следам обязательное прикрытие на этот раз не усмотрел. Скорее всего, передали его белорусским коллегам. Пусть работают.

Потолкался у обменника, приютившегося в одном из окошек кассы, поспрашивал выгодный курс «зайчика»¹. Сверкнул «зеленью», но откровенно пожадничал с ней расставаться и отдал самому активному кавказцу с аккуратной бородкой российские рубли.

— Если надо еще — подходи, — постучал он пальчиками с печаткой на мизинце. Вспомнился Околелов со своими волосатыми пальцами-сосисками. Даже эта страничка уже из прошлой жизни...

В моментальный успех выхода на крупняк верить было наивно: с деньгами в руках работает мелкий подплав, на наживке. Акулы наблюдают и атакуют со стороны...

В ближайшей гостинишке, вход в которую прикрывала реклама польской обуви, Егору с распротертыми объятиями отписали люкс. Рассчитываясь, «запутался» в белорусском денежном зоопарке — красных лосях, фиолетовых медведях, бурых зубрах, и кассир сама отобрала из его денег нужную стопку. Швейцар и охранник одновременно подались вызывать лифт, но Егор задержался у карты. Скользнул взглядом вверх, к зеленой кляксе Беловежской пущи. Километров восемьдесят, судя по масштабу. Каменюки, в которые ездили за машинисткой, обозначены крупно, а вот Вискули с пятью домиками, конечно, не дослужились до отдельного топографического знака, хотя именно там под конец XX века разломали о колено новые геростраты миллионы человеческих судеб. Будь что будет, но он съездит туда. Ельцин, Шушкевич и Кравчук после подписания Соглашения клялись, что, «повенчанные» Беловежьем, теперь будут чаще встречаться. Но как разбежались по своим норам, так и замерли в них.

А вот он приедет, хотя и был в декабре 91-го простым охранником. Не знает, что это даст и даст ли вообще, но судьба преподносит шанс оказаться в том месте, где была поставлена точка в истории Советского Союза. На машинке, которую он вез вместе с Евгенией Андреевной. Кажется, «Оптим», синяя. Интересно, цела ли? И какие распоряжения-приказы на ней печатаются сейчас? О сокращениях и распродажах-приватизациях? Ограничениях и подорожаниях? Как же мы, оказывается, зависим от простого расположения 33 букв алфавита! Цифра возраста Христа. Вроде должна нести только святыню, если исходить из религиозных постулатов. Но опять же — все зависит от людей, этот «алфавит Христа» использующих...

День посвятил маркетингу — выучил новое слово, стыдливо озна-

¹ Национальная валюта Белоруссии после 1991 года представляла собой купюры с изображением медведей, зайцев, зубров, лося, бобра, волка. В обиходе получили название «зайчики».

чаще изучение спроса на товар с личной выгодой. Прошелся по магазинам, торгующим польским ширпотребом, обнюхал каждую «пшекшскую» вещь на рынке. На калькуляторе демонстративно высчитывал цены в злотых, «зайчиках», рублях и долларах. В список самых ходовых товаров выстраивались шины и автозапчасти, косметика, бытовые техника и химия, одежда для малышей, витамины. Вечером на вокзале у старого знакомого с новым перстнем наменял еще несколько белорусских рублей:

— Быстро тут у вас «зайчики» бегают, — пожаловался как бы на дороговизну, а по сути — на обесцененность местной валюты. — Походил, поездил, покушал — и гол как сокол, ё-моё.

— Всегда к твоим услугам, брат. Я здесь всегда. А нету — Ису спроси. Иса — «помощь Бога». Все для тебя будет, брат. Помогу и я.

— Лучше с одним дело иметь, чем шакалить, — согласился на продолжение знакомства Егор.

Расстались, как старые знакомые — прислонившись боком друг к другу. Это русские обнимаются двумя руками и прислоняются грудью — сердце к сердцу, руки чисты и в них нет оружия. Восток даже при встрече с родными заставляет держать свободной правую руку для отражения удара...

Завернул к автобусному вокзалу, приютившемуся сбочь вокзала железнодорожного, словно общипанный воробей на жердочке. Высмотрел расписание в Беловежскую пущу. Да, он хочет посмотреть место, где произошло предательство. Превратилось в болото? Выгорело? Пронесся над ним смерч, повалив все деревья и разметав по бревнышкам гостевые домишки в Вискулях? Ясно, что не Пуща виновата, у предателей всегда есть имена, тоже из алфавита сложенные, и они известны. К сожалению, он волей случая находился рядом с ними и не смог предотвратить встречу...

Но пока — в Брестскую крепость. В этот несломленный гарнизон. Жизнь, правда, показала, что победа не может находиться в окружении. Ее, красивую и возвышенную, оболгут, укроют саркофагом лжи, и если не сопротивляться, уверовать в ее неизбежность, то навешанные ярлыки со временем станут подменять главное второстепенным. А охотники на это найдутся.

Егор прошел в крепость через вырубленную в граните звезду у входа. Замер перед памятником «Жажда» — солдат тянется каской к воде. В каске гвоздики. Вдали высеченный лик бойца, по груди которого, словно орденские планки, шли разноцветные гирлянды цветов. На самом деле, конечно, — над плитами погибших защитников цитадели. С самой распространенной фамилией на войне — «Неизвестный». Почти по девизу разведки: «Без права на славу».

Егор бродил по территории мемориала, пока не стемнело. Трогал выщербленный пулями и обугленный кирпич. Порадовался, когда мимо, в жутком напряжении от ответственности, прошли юнармейцы в почетный караул у Вечного огня. В России их гасят под предлогом неуплаты услуг газовикам. А в Белоруссии, говорят, даже над музеем Великой Отечественной в Минске оставили развеваться красный советский стяг...

Администратор в гостинице, в отличие от первого раза, при выдаче ключей в глаза не заглядывала, суетливо занялась сортировкой бумажек на столе. Ясно, приходили интересоваться клиентом. Свои или от Исы?

В номере проверил все ящички и дверцы. Волоски, которыми утром пожертвовал со своей головы и незаметно приклеил на шкафы и

стол, были сорваны. Отлично! Движение пошло. Благо, сейф в виде тумбочки имел шифр, и содержимое оказалось нетронутым. Хотя можно представить, сколько отпечатков потных пальчиков осталось на кнопочках.

А вот теперь спать. Утром на Беловежье.

Пуца встретила Егора умиротворением. Солнце, царапаясь об иголки, протискивалось между сосен, радуя копошащихся вдоль дороги кур. Работницы заповедника ехали через распахнутые ворота на велосипедах. Идиллию нарушал мужик в картузе, вбивавший кувалдой в землю осиновый кол недалеко от памятника трем погибшим бойцам. К нему бежал, вытирая лысину, директор заповедника, и Егор прикрывлся плечом, чтобы Сергей Сергеевич не узнал его.

— Степа, Степа, я же тебя просил. Не надо...

— Сергей Сергеевич, до конца жизни буду вбивать.

— Но меня в последний раз предупредили. Уволят же.

— А меня уже уволили, — опустил кувалду Степа. Облокотился о расплющенный затылок кола, сбил на затылок картуз. — Дай перекурю.

Затянулся, опираясь на вбитый кол. Помолчали, понимая абсурдность ситуации, когда злость, выплескиваемая одним, задевает другого, невинного. Укололись оба о занозы расплющенной осины, загасили окурки и разошлись: Степа с кувалдой мимо Егора к автобусной остановке, Балюк — к секретарше, идущей с сумками и букетом цветов от центрального корпуса.

— Евгения Андреевна, я сейчас «уазик»...

— Спасибо, Сергей Сергеевич. Я как-нибудь, потихоньку. Чай, пенсионерка теперь, спешить некуда. Документы сдала, печатную машинку списали, перенесли с невесткой в библиотеку.

— Вы бы еще пол подмели, — упрекнул директор помощницу в чрезмерной щепетильности.

— А я подмела. И мусор вынесла, — бесхитростно поведала Евгения Андреевна. У шлагбаума остановилась передохнуть, опустила на землю хозяйственную сумку с пожитками, скрашивавшими ее быт на работе.

— За выходное пособие не беспокойтесь, Евгения Андреевна. Как только хоть какая денежка появится — первая выплата вам. А машину я сейчас все же пригоню, стойте здесь, — директор едва не вприпрыжку побежал к зданию.

Как ни хотелось Егору подойти к секретарше, но сдержался. Завернул в лес. Снимая лицом паутину и выворачивая ноги на высунувшихся из земли корневищах, подошел к зданию дирекции сбоку. Вроде совсем недавно забирали они отсюда с Евгенией Андреевной машинку перед поездкой в Вискули. А «Оптима» все же была зеленой или синей? Куда она там сдана — в библиотеку? А ведь это, по сути, последняя реликвия Советского Союза, на которой поставили точку в существовании великой державы! Неужели цела и никто не спохватился, не вцепился мертвой хваткой в клавиатуру, не вывез в личный музей? Впрочем, он сам, что ли, дни и ночи думал о величии железяки, превращающейся в рухлядь?

Через минуту он уже стучался в дверь главного бухгалтера.

— Извините, ради Бога, я тут у вас на экскурсии...

«И что?» — устало отреагировали подведенные ресницы молодой, но уже уставшей от безденежья начальницы.

— А еще я коллекционер... Хобби такое — собираю старые печатные

машинки. Выкупаю, — торопливо уточнил и полез в карман, вытаскивая все имеющиеся «зайчики».

Сто пудов туши на ресницах рывком взметнулись вверх. Вес взят! Зафиксировать!!

— И... — поторопила бухгалтер, с усилием удерживая равновесие на помосте вращающегося стула.

— А у вас в библиотеке какая-то списанная «Оптим» стоит.

— И вы ее готовы купить?

— Готов. У меня такой серии нет. Механическая есть, а электрической нет, — соврал напрапую, даже не ведая, существует ли в помине механическая «Оптим». — Тут почти как за новую, — Егор разжал горсть над столом, выпуская «зоопарк» на волю.

Прием, вообще-то, запрещенный. Нельзя толкать на преступление бухгалтера, рыскающего в поисках денег для выплаты зарплат. Или того же выходного пособия для Евгении Андреевны. А тем более по малости прожитых лет не усвоившего, что в действиях богатого незнакомца вначале требуется вычислить его личную выгоду. И не верить, категорически не верить, что так случайно и выгодно звезды в небе сложились именно и только для тебя.

Бухгалтерше вместо созвездий в небе светили нули в раздаточной ведомости, и она, делая спасительный глоток, взяла деньги в руки.

Все! Машинка в кармане.

«Оптим» с 30 килограммами живого веса и сбитой кареткой оказалась на плечах. В кармане лежали товарные накладные на вынос и чек об оплате груза — всего-то в пересчете 50 «зеленых». Кусок списанного металлолома не стоил и того, но кто из попадававшихся навстречу работников заповедника мог оценить его истинную ценность?

Увидев на обочине кусок мешковины, Егор обмотал им машинку, пряча от лишних глаз. Только бы не спохватились раньше времени, не побежали вдогонку с требованием расторгнуть сделку. Избегая даже этой малой возможности, углубился в лес и теперь уходил от дирекции партизанскими тропами. И автобус на Брест ждал в кустах. И всю поездку продержал детище Евгении Андреевны, словно больное уснувшее дитя, на коленях, боясь потревожить и причинить неудобство.

В гостинице, налюбовавшись приобретением, отыскал номер телефона проводника: пора было начинать собственное движение.

Богдан словно сидел около трубки, потому что поднял ее на половине сигнала.

— Кто-то обещал поискать и предложить хороший курс валюты... — без приветствий взял быка за рога Егор.

— Это вы!

Если счастье имеет голос, то это есть голос Богдана.

— Если некогда, я потом перезвоню, — попробовал проверить его искренность Егор.

— Нееет! — вскричала радость, в секунду покрывшись попурышками тревоги. Ждали, ждали звонка! Это хорошо. Плохо будет вокзальному Исе, лишившемуся приработка. — Вы где остановились? Я могу подъехать, — выпалил проводник заученные инструкции.

— «Интурист», — с ходу назвал Егор присмотренную в первый день гостиницу. Пусть полазят по ее восьми этажам в поисках дорогого гостя. — Жду в ресторане.

— Я готов!

— Через два часа, — осадил прить будущего подельника Егор.

Сам едва не в ту же минуту выскочил на улицу. Не веди незнакомца в свой дом, оставляй себе люфт в перемещениях. Закон крокодила...

Махнул частнику. Проскочив с ним на три желтых светофора, которые белорусу, как и русскому, при переходе на красный цвет считаются все еще зеленым, открыл стеклянную дверь в «Интурист». Провальное для ресторанного бизнеса время между обедом и ужином позволило Егору выбрать место, с которого прекрасно просматривался и подъезд к гостинице, и вход в зал.

Богдана подвезли через полчаса на серебристом «Форд Мондео». Проводник выскочил из машины на пересечении улиц, тут же сделал вид, что прогуливается пешком. Однако Егора больше интересовала парочка из машины, припарковавшейся почти у ступенек, номером едва не ему в лоб. Эх, не прошли ребята школу наружки, пока только фильмов насмотрелись...

Начал зудеть шрам над бровью. Значит, пошла химическая реакция в организме в предчувствии работы.

— Человек, — щелкнул пальцами Егор официанту, едва посетители с беспечным видом вошли в ресторан. — Второе меню и сразу два по пятьдесят коньяку. И ананас там, шоколадку, вкуснятину какую-нибудь на закусь, ё-моё, — хозяином жизни озвучил свои претензии на эту самую жизнь.

Наблюдатели-оценщики опустили за соседний столик в боязни пропустить будущий разговор. Впились взглядами в свои меню. Наверняка обойдутся чашечкой кофе. Для наружки заходы объекта в ресторан всегда являлись самым тягостным моментом: имея всего 11 оперативных рублей на непредвиденные расходы, часами сидеть за чашкой кофе. Оно при любой его экономии выпивалось в течение одной сигареты, и начинались мучения, чем себя еще занять и побаловать на оставшиеся копейки...

— Кофе, — не стали ломать комедию посетители. Сейчас войдет Богдан и, якобы не зная подельников, радостно и подобострастно улыбнется...

Не узнавая подельников, проводник радостно и подобострастно улыбался от двери. Джинса ему явно шла больше железнодорожной формы, и пока он сучил ножками к столику, Егор ненароком подумал о себе: а когда он сам надевал последний раз форму? И в каком виде он выглядит наиболее гармонично?

— За ваш город, — как застоявшийся конь перед водопоем Егор нетерпеливо поднял бокал, но при этом вальяжно откинулся на спинку кресла. Дождался, когда Богдан через весь стол дотянется стукнуть хрусталем. Молодец, получилось подобострастно. А вот законов застолья не знает. Хочешь выказать свое уважение старшему — никогда не поднимай собственную рюмку выше, чем у собеседника. И не начинай пить раньше произнесенного тост.

— А я нашел, что просили... — начал о главном проводник, но Егор откровенно зевнул, придавая известию второсортность:

— Скучно тут у вас. Пора обратно в столицу. Заберешь в свой вагон? Когда рейс?

Соседний столик напрягся. Это хорошо. Пусть ребята сами поторопят события.

— А...

— Нет особой выгоды тут ни от курса, ни от товара. За морем телушка полушка, да рубль перевоз, ё-моё. Еще по пятьдесят? Что-то хорошо пошла. Человек!

— А... много вам надо поменять? — не сходил со своих рельс проводник.

— Смотри какой курс будет... И семушку на гриле. По готовности. И морс.

Кофеманы изошли слюной, пока Егор колдовал над рыбой, соусами, приправами, лимонным соком. Прополоскав пальчики в поданной вазе с теплой водой, попробовал кусочек семги и вознесся в блаженстве глазами в потолок.

— Тут мне предлагали один к двум... — выдохнул ерзавший Богдан и скукожился так, что стал похож на доставшийся ему пересушенный стейк. Цифра прозвучала пробным «до» при настройке пианино, от нее еще можно было отказаться, залить ее нечаянный проговор клюквенным морсом, но нота уже проласкала слух Егора. Она обозначала как раз ту комбинацию, о которой говорили с Сергеем Сергеевичем в Москве. Но больше порадовал страх проводника, ступившего на тонкий лед подмены валюты. Страх — он лучший индикатор истины...

Точку в последних долях сомнений поставил нарисовавшийся в дверях ресторана Иса. Чеченец даже не стал изображать случайность встречи, а по пути к столику еще и приблизился с соседями. Без фамильярности, но, тем не менее, сам предложил подсесть к щедрому столу Егора. Значит, Брест все же маленький городок, если контингент менял из одной колоды.

— Приветствую, брат, — к развалившемуся в кресле Егору кавказцу все же пришлось поклониться. А может, сделал и специально, чтобы перейти на шепот и сказать на ушко, минуя замершего в готовности принять новый заказ официанта: — Слух прошел, что есть некие желания? Проблемы?

Богдан, сданный с потрохами, заерзал, но не шибко, скорее для острстки: богатый клиент приехал и уехал, а ему оставаться здесь жить рядом с Исой и соседями по столику. Все в меру, но и не упустить свой куш. Как говорят шулера, удаче надо помогать.

— У меня проблемы? — сделал удивленное лицо Егор. — Какие могут быть проблемы, дорогой, когда в Москве есть «Лужа»? Окунул в нее, а там — мириады вариантов, ё-моё.

— А доллары на доллары меняем? — одними тонкими прорезями губ, спрятанными под бородкой и усами, поинтересовался Иса.

Егор потер шрам, но представил это как раздумье:

— Это... — протянул то ли догадку, то ли недоумение. Противник обязан сам проговаривать свои интересы.

Иса перевел взгляд на Богдана: твоя миссия выполнена, свободен. И с какой же тоской окинул проводник стол: самая обидная потеря — это все же не заработанное собственным потом, а доставшееся даром. Но среди уважаемых людей рюмку и впрямь держи у самого пола. Пол мешает — поставь на ладонь: ниже некуда! Гуляй, Богданчик. Наматывай будущий срок. Политикам бы поучиться у криминала объединяться, перешагивать границы, не обращать внимание на национальность.

— Бывает, что бакс надорван, номер размыт... — не стал до конца раскрываться Иса, но и не выпустил нить разговора. — Банки не хотят принимать, а «Лужа» отмоеет все.

— Она отмоет, — согласился со своего бережка Егор. Ему пока ступать на хрупкий лед смысла нет, еще не изъюлился до конца ужом собеседник.

Тот с не меньшей выдержкой кивнул официанту — плесни морса. Значит, не совсем мормышка для наживки, раз привычно командует прислугой. Тем лучше, меньше ступенек перешагивать из второстепенных нукаров до хозяев.

Сколько раз еще пригублял коньяк Егор, сколько сжимал тонкие губы Иса от недогадливости и бестолковости собеседника! Никто не произносил первым заглавных слов о фальши. Первым все же не выдержал чеченец, подозвал соседей. Те перестали, наконец, раскатывать по стенкам чашек символы, нарисованные кофейной гущей. Кивнули, но имен не назвали. Зато и деликатничали меньше.

— Мы тут лоханулись, — начал водитель, изображая невинную жертву перестройки. — Поменяли у какого-то поляка доллары, а они оказались фальшивыми. Выбрасывать жалко. Вдруг кому-то и такие сгодятся...

— Не скрываем, что они фальшь, — поддержал сообщник с золотой фиксой. — Потому и готовы менять один настоящий на два польских, — не забыл откреститься от происхождения валюты. — Хоть что-то отобьем свое.

— В Москве это разлетится по рынкам в две секунды, а ты в двойном наваре, — наконец-то дал четкие ориентиры Иса.

Егор демонстративно опрокинул в себя рюмку до дна: сложно, все очень сложно и опасно... Но заманчиво.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское, — удовлетворился правильной реакцией водитель. — А главное, риска-то нет. Доллары не отличишь — ни на цвет, ни на запах, ни на ощупь. Даже кассовые машинки бессильны. Сами только случайно узнали, проверив в центральном банке под сотней микроскопов.

— Я... я должен подумать, — Егор переставил приборы, нечаянно опрокинул солонку. Соль на столе у них в Журиницах всегда к ссоре в доме. Но сработало на нервозность. Надо продолжать забывать стаканы! Шмыгнуть носом, как лох. Сцепить в замок пальцы. Хорош, хорош был режиссер камерного театра! Температура 37 градусов, не ниже... — Интересно, но... Я подумаю. Я завтра собрался уезжать... Не знаю... А много?

— Поляк был щедрым, — продолжал валить проблему на Польшу «Золотой зуб». — Обменялись — и разбежались. Но в принципе, при желании можно поискать и еще повидаться. Так — как?

Егор встал, сел. Оглянулся на официанта — дай передышку, принеси выпить.

— Хенесси, — подчеркнул дорогим коньяком важность предполагаемой сделки. — Мне завтра ехать... Давайте перед поездом, что ли... Ё-моё, дали задачку. Подумать надо. Но если что, перед самым поездом повидаться можно. За автовокзалом... Хотя не знаю...

Собеседники не давили, не уточняли, за выпитое оставили стопочку «зайчиков», раскланялись — истинными джентльменами оказались. Тем не менее, собственные деньги на следующий день перед отъездом Егор в номере разделил: часть в сумку, часть на пояс, часть по карманам. «Кто не рискует»...

К вокзалу подошел сбоку, пытаюсь заранее отыскать «Форд Мондео». Распознал его серебристую морду со знакомым номером между двумя заброшенными строительными бытовками. Озираясь, пересек посадочные

платформы. Ему мигнули фарами, но перед тем, как откликнуться, почитал и сорвал два объявления на «бытовках». «Форд» завелся, и это тоже было правильно и логично: ноги надо держать в руках. Все держать в своих руках, — ситуацию, сорванные объявления, сумку с деньгами и мешковинный куль с «Оптимой». Даже если сейчас ничего не получится с фальшью, поездку в Брест из-за посещения Беловежской Пущи и приобретения машинки можно считать удачной. Что делать дальше с ней, как распорядиться последней реликвией Советского Союза, пока даже не предполагалось. Жизнь подскажет...

Видя, что руки у компаньона заняты, ему услужливо вытолкнули дверцу машины: прошу, панове. Однако воспользоваться гостеприимством Егор не успел. Его сбили ударом в спину, а вместо него в распахнутую дверь «форда» влетел парень в трико и кроссовках. Из автобусной очереди рванулась в драку дополнительная тройца, при этом бежавший первым парень вlepил пакетом кефира в лобовое стекло, заставив расплыться по нему густой белой кляксе, закрывшей водителю обзор для выезда. Где-то взвыла милицейская сирена. Белорусские напарники? Но что пошло не так? Почему берут не в момент передачи денег?

— Лежать! — придавили Егора коленкой, когда он хотел приподняться и выплюнуть кровь от разбитой губы.

Приподняли за шиворот сами, впахнув в так же гостеприимно, как у «форда», распахнутые двери подбыхавшей эковозки. Сквозь решетку, отделявшую его от кабины, Егор успел рассмотреть, как в салон «уазика» забрасываются «Оптимы» и сумка с валютой и вещами — уже хорошо. «Золотой зуб» лежал распластанным перед капотом собственной машины, его давили к асфальту «пассажиры» из автобуса, и водитель эковозки едва не придавил их, вырываясь из тупика на простор.

— Ничего не понимаю, — развел руками Егор, когда к нему в камеру для временно задержанных вошел с пакетом милицейский полковник. Если без охраны — то значит и без свидетелей. Значит, свой.

Полковник присел рядом на выщербленную лавку, по сколам которой можно было определить количество слоев и цвета краски при ремонтах камеры. Вытащил из пакета отполированный штык от трехлинейки Мосина. При чем здесь артефакты Первой мировой войны?

Ответ гость доверил диктофону. Несмотря на плохую запись, которая делалась в машине подброшенным «маячком», голоса «Золотого зуба» и водителя «форда» угадались:

— Вон, вон топчется.

— Все же предлагаю завалить. Никто его здесь не хватится.

— Оно, конечно, спокойнее будет...

— Короче, протыкаю сразу, как только сядет. Иса подтвердил, его баксы — настоящие. А для обмена еще кого-нибудь поищем. А так в наваре! Приготовились!..

Егор взвесил на ладони штык. Посмотрел на полковника: дальше что? Операция провалилась?

— Сергей Сергеевич предлагает вам пойти по этапу как фальшивомонетчик. Как я понимаю, это не конец, а самое начало новой операции.

И вот Егор в Бутырке...

